

КОЛЫБИ ВЕСТИК

6+

7/2018

ШАКОЛЬНЫЙ ВЕСТНИК

7/2018

Учредители журнала:	СОДЕРЖАНИЕ	
АО «Молодая гвардия» и коллектив редакции	Илья Бруштейн. Уральский характер	1
	Лариса Овцынова. Московские «Белые ночи»	18
Главный редактор Ю.И. Кочетков	ЛИСТАЯ СТРАНИЦЫ АРХИВНЫХ НОМЕРОВ	
	Алексей Зайцев. Давным-давно сегодня...	25
	Татьяна Чекальникова. Машины советы	32
Редакционная коллегия:	ПРОБА ПЕРА	
С.В. Винокурова	Надежда Потанина. О, как недавно...	39
В.И. Горбатов	Настя и Артём Медниковы. Зайчонок- победитель	40
В.З. Денискина	НА ПОЭТИЧЕСКОЙ ВОЛНЕ	
И.Н. Зарубина	Рифхат Гардиев. Стихи	44
О.В. Клековкина	Николоз Бараташвили. Стихи	46
Ю.И. Котов	АЗ, БУКИ, ВЕДИ	
В.В. Кулешов	Елена Анохина. Стихи	60
Т.М. Морева	Карел Чапек. Дашенька, или История щенячей жизни	62
И.И. Семёнова	Сергей Георгиев. Беляевская заимка	79
А.П. Торопцев	УРОКИ БИСЕРОПЛЕТЕНИЯ	
З.А. Шишкова	Лариса Шевцова. Урок 27. Лаванда	92

УРАЛЬСКИЙ ХАРАКТЕР

Недавно наш постоянный автор из Санкт-Петербурга Илья Бруштейн решил на неделю отправиться на Южный Урал, в Челябинскую область. Уже на челябинском вокзале ему стало понятно, что здесь живут люди, любящие и ценящие свою малую родину. «Поздравляем вас с приездом в Челябинск, столицу Южного Урала!» — регулярно разносится по территории вокзального комплекса приветливый голос диктора. Слово «поздравляем» звучит немного необычно. Но в этом проявляется суть уральского характера. Местные жители уверены в том, что уже само по себе посещение Урала, «опорного края державы», является праздником, важным и значимым событием. Поэтому поздравление вполне уместно.

Моё знакомство с Челябинском началось с беседы с председателем Челябинской областной организации Всероссийского общества слепых Татьяной Павловной Савицкой, человеком, известным в системе ВОС. Она является председателем Центральной контрольно-ревизионной комиссии ВОС, полномочным представителем президента ВОС в Уральском федеральном округе.

— *Татьяна Павловна, Челябинск для вас родной город? Своей монументальной застройкой, широкими проспектами он напомнил мне Москву, Минск, Киев.*

— Я родилась в Челябинске в 1960 году. Живу здесь всю жизнь. Правда, во времена моего детства не было возможности посещать школу в самом городе. Поэтому

я училась в школе-интернате для слепых и слабовидящих учащихся в Троицке. Этот город располагается в 140 километрах от Челябинска. А вся остальная жизнь — после окончания школы и до сегодняшнего дня — прошла именно здесь, в Челябинске.

— *Школа в Троицке и сегодня является единственной специализированной школой-интернатом для незрячих и слабовидящих учащихся в Челябинской области.*

— Это так. Но ситуация с обучением этой группы школьников кардинально изменилась со времён моего детства. Во-первых, в самом Челябинске у нас есть замечательная специальная (коррекционная) школа № 127, созданная именно для детей инвалидов по зрению и детей с офтальмологическими патологиями. Подобное учебное заведение также есть в городе Озёрске Челябинской области.

Во-вторых, развивается инклюзивное образование. Сейчас у незрячего и слабовидящего ребёнка есть возможность обучаться в обычной школе по месту жительства. Раньше об этом и не мечтали!

В-третьих, есть успешный опыт школ, ориентированных на совместное обучение детей с различными видами инвалидности. Например, во втором по величине городе области Магнитогорске нет специальной школы для незрячих и слабовидящих школьников. Но там можно учиться не только в обычных школах по месту жительства, но и в учебных заведениях для учащихся с особыми потребностями.

— *У вас проблемы со зрением с самого детства?*

— Я родилась с врождённой катарактой. Довольно рано у меня обнаружили глаукому, которая, к сожалению, быстро прогрессировала и в итоге привела к пол-

ной потере зрения. В детстве остаток зрения у меня был. Например, когда я пошла в первый класс, я ещё могла зрительно воспринимать плоскопечатный текст. Но всё равно с первого класса я обучалась по Брайлю, так как врачи давали неблагоприятный прогноз и меня решили сразу познакомить с рельефно-точечным шрифтом.

Полностью я потеряла зрение в тринадцать лет. И в тринадцать лет мне удалили правый глаз. Вместо него я стала носить протез. Когда мне делали операцию, то правый глаз уже совсем не видел. А в левом глазу ещё был небольшой остаток зрительных функций. Врачи считали, что энуклеация правого глаза поможет сохранить этот остаток. К сожалению, этого не случилось. Уже через несколько месяцев левый глаз тоже полностью перестал видеть.

Когда мне было 17 лет, произошла досадная травма левого глаза. Из эстетических соображений было принято решение удалить и второй глаз. С этого времени я ношу два протеза. Качественные, эстетичные протезы, максимально «приближенные» к собственным глазам, — часть моего имиджа. Такой внешний вид подходит мне гораздо больше, чем ношение чёрных очков.

— Какие предметы вам нравились в школе больше всего? В детстве вы уже думали о будущей профессии?

— Я по складу ума — гуманитарий. В школе больше всего любила русский язык и литературу. Из классиков русской литературы очень нравился Михаил Юрьевич Лермонтов. И стихи его, и проза. Всегда восхищалась тем, что все свои гениальные произведения он написал в столь юном возрасте. Из советских писателей мне были особенно близки Чингиз Айтматов и Нодар Думбадзе.

Поэтому совсем не удивительно, что после окончания школы я поступила на филологический факультет Челябинского государственного университета и успешно его окончила. Думала ли я в детстве о будущей специальности? В то время большинство выпускников специализированных школ устраивались работать на учебно-производственные предприятия (УПП) ВОС. Конечно, и в вузы поступали.

Но работа на производстве в то время никого не пугала. Это была довольно престижная работа для инвалидов по зрению. И заработки были достойные (в дополнение к пенсии), и возможность получить жильё имелась. Поэтому я не особенно беспокоилась. Рассуждала так: или в вуз поступлю, или на предприятие пойду работать.

В итоге получилось, что в моей судьбе было и то, и другое: и вуз окончила, и на предприятии рядовым слесарем-сборщиком поработала.

— *Почему после окончания вуза вы стали работать на УПП рядовым слесарем-сборщиком?*

— Всё очень просто. Я окончила вуз в 1983 году. И другой работы тогда не было, поэтому и стала работать на Челябинском УПП. Сейчас это предприятие носит название «Поликом».

— *Какие воспоминания остались у вас о времени студенчества?*

— Мне было интересно учиться. Вспоминаю лекции по зарубежной литературе. Их читал известный в Челябинске и за его пределами филолог-германист Марк Иосифович Бент. Ещё мне нравились лекции и семинары по теории литературы, в частности, по стихосложению. Я с удовольствием погружалась в мир античной литературы.

Не могу не упомянуть о том, что уже в студенческие годы я неплохо была знакома с Библией. Бабушка научила. И я ей за это очень благодарна. Всё-таки знание священных текстов важно для филолога.

— *Как обстояло дело с доступной средой в Челябинске во время вашей учёбы в университете?*

— О доступной среде в то время и не говорили. Из всех технических средств у меня были только катушечный и кассетный магнитофоны. Но кассетником я почти не пользовалась. Лекции конспектировала по Брайлю. Учебную литературу мне начитывали чтецы с последующим воспроизведением на катушечном магнитофоне. Художественная литература была доступна через Брайлевскую и «говорящую» книгу.

Немецкие тексты приходилось переписывать по Брайлю под диктовку, а потом переводить с помощью словаря. Белой тростью я тогда пользоваться не умела. Поэтому в большинстве случаев меня сопровождали подруги и мама. Так и училась. Университет я окончила с красным дипломом.

— *У вас не было желания стать научным работником, преподавателем?*

— Хотя мне и нравилось учиться, но ни в науке, ни в преподавании я себя не видела. Я рада, что в профессиональном плане нашла себя в структуре ВОС. Ни о чём не жалею.

Думаю, что мой жизненный путь типичен для члена ВОС, во всяком случае, для советского времени. Тогда на высокие общественные должности и на штатную работу в ВОС часто приглашали производственников.

— *Как складывалась ваша карьера в ВОС?*

— Я мало думала о карьере. Во всяком случае, чёткого представления о будущем профессиональном пути не было. Работала слесарем-сборщиком с высокой нагрузкой. И мне нравилась эта работа. Мы выпускали узлы и детали для Челябинского завода «Теплоприбор». Когда я пришла на предприятие, там работали 756 человек. Сейчас на этом же предприятии трудится всего 62 человека.

У нас была производственная организация ВОС со штатным председателем. После двух лет работы в качестве слесаря-сборщика меня выдвинули на эту должность. Наверное, учли фактор высшего образования. Кстати, я отказывалась. Мне не хотелось уходить из цеха и перестраивать свой жизненный ритм. Но уговорили.

Поработала год в качестве председателя. И последовало новое предложение. На целый год я отправилась в Москву, учиться на факультете организаторов промышленного производства Института повышения квалификации ВОС. Сейчас на базе этой организации создан Институт «Реакомп».

В 1988 году, после окончания учёбы, вернулась в родной Челябинск. С новыми силами, новыми идеями. Место председателя производственной организации уже было занято. Меня это совершенно не огорчило. Я вернулась на производство, вновь на должность рядового слесаря-сборщика. Одновременно в 1988 году меня избрали заместителем председателя Челябинской областной организации ВОС. На этой должности я проработала до 2000 года.

— *У вас большой опыт работы на производстве. Это помогает в вашей нынешней деятельности?*

— Работа на производстве — это настоящая школа лидера, проверка на прочность, стрессоустойчивость,

закалка характера. Если бы не этот опыт, я бы просто не состоялась как руководитель.

Моя обязанность как председателя состоит в том, чтобы поддерживать наши производственные предприятия. В Челябинской области их четыре. Конечно, численность их сотрудников резко сократилась по сравнению с советской эпохой. Для значительной части молодых людей они не представляют особого интереса. Но с другой стороны, у предприятий есть своя ниша. Я уверена в том, что они могут выпускать конкурентоспособную продукцию.

Не нужно забывать, что не все инвалиды по зрению могут и хотят получать высшее образование. Не все становятся массажистами, юристами или музыкантами. Рабочие профессии тоже должны сохраниться. Это тоже один из путей реабилитации инвалидов по зрению.

— Мы беседуем в здании областного правления на улице Клары Цеткин, в самом центре Челябинска. Как давно ваша организация работает в этих стенах и когда вы стали здесь работать?

— Здание было построено в 1974 году, специально для областного правления ВОС. А я работаю здесь с 1990 года. Сначала меня пригласили в качестве инструктора по реабилитации. В 1994 году я стала штатным заместителем председателя областного правления, до этого выполняла эти обязанности на общественных началах. А в 2000 году стала председателем.

— Не могли бы вы поделиться воспоминаниями о самых запомнившихся эпизодах за время работы в ВОС?

— Я с огромной радостью вспоминаю участие в Пятнадцатом съезде ВОС в 1986 году. Тогда я была моло-

дой работницей Челябинского УПП. Это была большая честь для меня, представлять на съезде ВОС Челябинскую область. И с трибуны съезда мне довелось выступить. Съезд проходил в здании Центрального дома культуры (ныне — КСРК) ВОС.

Я стала председателем в 2000 году. А с 2001 по 2005 год областное правление ВОС занималось распределением 17 квартир. 17 квартир — это очень много!

— *Откуда появились эти квартиры? Почему их распределением занималось областное правление ВОС?*

— Это был проект, который осуществляли городские власти Челябинска. Областному правлению ВОС были выделены квартиры для распределения среди нуждающихся членов ВОС — жителей Челябинска. Хотелось бы с благодарностью вспомнить тогдашнего мэра города Вячеслава Михайловича Тарасова. Это была его политическая воля. Конечно, я как председатель очень волновалась.

— *В квартирном вопросе обошлось без обид?*

— Буду говорить честно: невозможно распределять квартиры и обойтись без каких-то обид и разочарований. Но, во всяком случае, у нас обошлось без скандалов. И это уже большое достижение! Были выработаны чёткие, прозрачные критерии «жилищной политики». И квартиры действительно получили те, кто наиболее в них нуждался.

— *Сейчас вы бы стали заниматься такой проблемой? Или нервоотрёпка слишком большая?*

— Нервов пришлось потратить много. Но я испытывала удовлетворение из-за того, что удалось помочь нуждающимся людям. Если представится такая возможность, то вновь возьмусь за это дело.

— *Реально ли такое дело повторить?*

— Пока я не вижу политической воли у областного и городского руководства. Но теоретически это возможно. Сейчас много говорят о создании доступной среды. А ведь в конце 1990-х — начале 2000-х годов, когда главой города был В.М. Тарасов, в Челябинске строились дома с квартирами, адаптированными для инвалидов-колясочников. Почему бы не построить в Челябинске и других городах области несколько домов, адаптированных для различных категорий инвалидов: с гигиеническими комнатами, удобными для инвалидов-колясочников, «говорящими» лифтами, пандусами, специальными поручнями и т.д.

Распределением квартир в этих домах могли бы заниматься совместно с органами власти Общество инвалидов (ВОИ), Общество глухих (ВОГ), объединения участников боевых действий и т.д.

— *А нет здесь опасности субъективизма? В обществе, в прессе найдутся недовольные. Мол, не те люди квартиры получают...*

— Конечно, здесь нужен контроль. Во-первых, необходимо соблюдать очерёдность; во-вторых, работать в тандеме с органами власти. Но само по себе участие авторитетных общественных организаций, в том числе и ВОС, в распределении жилья представляется мне вполне разумным.

— *Не могли бы вы рассказать о «звёздах» Челябинской областной организации ВОС, о наиболее известных незрячих и слабовидящих активистах?*

— На этот вопрос отвечу с удовольствием. «Звёзд» у нас много! А что такое для меня восовская «звезда»? Это человек, не жалеющий ни сил, ни времени для

помощи своим товарищам по несчастью, для успеха общего дела!

У нас 12 сильных местных организаций. Начнём с областного центра. Челябинской местной организацией и одновременно областным реабилитационным культурно-спортивным центром ВОС руководит Топунова Надежда Николаевна, которая успешно реализует социально значимые проекты по реабилитации инвалидов по зрению средствами культуры. Работа кипит не только в Челябинске, но и в городах области.

Например, Магнитогорскую местную организацию с 1994 года возглавляет Юрий Васильевич Мелихов. Опытнейший председатель! Он награждён высокой государственной наградой: медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени.

Фактически местная организация в Магнитогорске стала полноценным реабилитационным центром, где есть и богатая библиотека, и тренажёрный зал, и компьютерные курсы, и помещение для настольных игр. В Магнитогорске и шахматы успешно развивают, и художественную самодеятельность.

В этом промышленном центре Урала инвалиды по зрению создали фольклорный коллектив «Горенка», ансамбль классического вокала «Иоланта», эстрадный квартет «ДАРЮ». Он назван так по первым буквам имён исполнителей: Дарья, Александр, Раиса, Юрий.

Есть в Магнитогорской местной организации своя команда КВН. Организованы курсы английского языка. Имеется оборудованная кухня. Там настоящие кулинарные курсы проводятся. Незрячий человек может научиться пользоваться и обычной кухонной плитой, и мультиваркой.

— *А в чём секрет успеха Магнитогорской местной организации?*

— Они научились привлекать спонсоров, взаимодействовать с властями, общественностью, прессой.

Местную организацию в Златоусте возглавляет Олег Геннадьевич Варганов. Одновременно он является вице-президентом и членом правления Всероссийской организации социальной помощи слепоглухим «Эльвира». Помощью слепоглухим О.Г. Варганов занимается не только в Златоусте. Его деятельность, по сути, распространяется на всю Челябинскую область. Меня как руководителя областной организации это обстоятельство очень радует.

Местную организацию ВОС в Копейске возглавляет Татьяна Ильинична Бганина. У этой организации есть своя изюминка: собственный журнал «К свету». В печатном виде — укрупнённым шрифтом — он выходит два раза в год, в электронном виде обновляется один раз в два месяца. Также два раза в год готовится звуковой выпуск журнала.

Не могу также не упомянуть нашего спортивного активиста, председателя Челябинской областной Федерации спорта слепых Алексея Альбертовича Дьяконова. При его участии в области развиваются самые разные виды спорта: шоу-даун (настольный теннис для слепых), голбол, спортивный туризм, шашки, шахматы и т.д.

— *Какие задачи вы ставите перед собой как руководитель Челябинской областной организации ВОС?*

— Всё-таки главный вопрос — это трудоустройство. Особенно меня волнует трудоустройство инвалидов по зрению с высшим образованием. Ведь сейчас значительная часть парней и девушек заканчивает вузы. И встаёт

вопрос: а где они будут работать, как они могут себя проявить?

Кто-то может найти себя сам, на открытом рынке труда. Но есть и немало тех, кто самостоятельно найти работу не может, несмотря на крепкие знания, мотивацию, трудолюбие. Поэтому я выступаю за развитие социальных программ, когда общественные организации инвалидов трудоустраивают своих членов.

— *Какие рабочие места и зачем нужно создавать в организациях инвалидов? Ведь всё-таки речь идёт об общественных организациях, предполагается, что значительная часть работы выполняется на общественных началах.*

— ВОС — организация общественная. И у нас действительно значительная часть работы выполняется на общественных началах. Но с другой стороны, есть и большая потребность в штатных работниках: руководителях творческих коллективов, хормейстерах, концертмейстерах, тренерах адаптивной физкультуры, юристах, бухгалтерях, социальных работниках, специалистах по информационным технологиям и т.д.

Речь не идёт о том, чтобы любой ценой раздувать штат общественной организации. Но если государство и бизнес предоставят возможность общественным организациям принять на работу нужных, востребованных специалистов, то мы решим сразу две задачи: одни инвалиды по зрению получают работу, а другие инвалиды по зрению — востребованные реабилитационные услуги. Именно взаимодействие волонтеров и штатных специалистов обеспечивает успех дела!

В России, как и во многих странах, существует «Закон о квотировании рабочих мест для инвалидов». Но этот

закон реально не работает. Не хотят бизнес-структуры брать на работу специалистов с особыми потребностями. Но, может быть, бизнес-сообществу стоит активнее помогать общественным организациям?!

Во всяком случае, Всероссийское общество слепых обладает большим опытом в качестве работодателя. В настоящее время производственная деятельность у нас сократилась (хотя она тоже продолжается!), но мы можем создавать новые рабочие места в реабилитационной сфере.

Кстати, в 2015 году в Челябинской области в течение четырёх месяцев действовала программа социальной занятости. Всего в ней было задействовано 13 человек в городах Челябинске, Миассе, Златоусте, Верхнем Уфалее, Чебаркуле, Коркино, Троицке.

Четыре месяца люди успешно проработали, набрались опыта, вошли в курс дела... А потом финансирование прекратилось. Разве это правильный подход?

— *Кто именно осуществлял финансирование программы?*

— Этой работой занимались Главное управление по труду и занятости населения Челябинской области и центры занятости в муниципальных образованиях. Но денег у них хватило только на четыре месяца.

В Уральском Федеральном округе лидером в деле организации социальной занятости является Тюменская область. Это происходит потому, что там на областном уровне имеется соответствующая законодательная и нормативная база. И есть политическая воля и у областных, и у муниципальных властей.

Кстати, если бы в Челябинской области действовала программа социальной занятости, то я бы с удоволь-

ствием приняла на работу в областное правление ВОС пресс-секретаря, специалиста по связям с общественностью. Такой человек нам нужен! И в регионе есть подходящие кандидатуры, безработные журналисты из числа инвалидов по зрению. Но в настоящее время в рамках нынешнего штатного расписания средств на оплату труда такого специалиста нет.

Что ещё меня волнует? Смену надо готовить! В областной организации должна быть большая скамейка запасных, молодых, активных людей, готовых в будущем стать руководителями местных организаций, штатными сотрудниками областного правления. И на должность председателя областной организации хотелось бы подготовить достойные кандидатуры. Я не говорю о каком-то конкретном преемнике. Но нам необходима новая поросль лидеров.

— *Вам, наверное, ещё рано думать об уходе на заслуженный отдых.*

— Я не кокетничаю со своим уходом. Но, разумеется, проработав в системе ВОС несколько десятилетий, часто задумываюсь о том, кто придёт на смену.

— *Как вы оцениваете молодёжную работу в Челябинской областной организации ВОС?*

— У нас есть интересные проекты, в которые вовлечена молодёжь: спортивные соревнования, туристические слёты, молодёжные форумы. Но хотелось бы больше активности со стороны самих молодых людей.

— *Кого ещё из активистов вашей организации вы могли бы упомянуть? О ком можно было бы рассказать?*

— Не хочется никого забыть, а обо всех мы всё равно не успеем рассказать. Достойных людей так много! Нам

очень помогают Мария Шалинцева и Виктор Соколов, общественные корреспонденты «Радио ВОС», официальной интернет-радиостанции Всероссийского общества слепых. Благодаря им о делах нашей областной организации узнаёт общероссийская аудитория. Кстати, у «Радио ВОС» на Урале есть своя студия. Она располагается в Тюмени.

Также хотелось бы рассказать об Оксане Рюминой. Она трудится мастером на магнитогорском предприятии ВОС. Это настоящий рабочий лидер, прекрасно знающий трудовое законодательство, специфику работы восовских предприятий. Оксана глубоко разбирается во всех технологических процессах и всегда готова словом и делом помочь коллегам. На таких людях и держатся наши предприятия!

На предприятии в Златоусте в качестве слесаря-сборщика трудится Олег Сычёв. Он не только опытный рабочий, но и прекрасный бард. Олег увлекается шоуаудом (настольным теннисом для слепых), с удовольствием ходит в походы, участвует в туристических слётах. Человек живёт полноценной жизнью.

Есть в Челябинске незрячий адвокат Людмила Королёва. В нашем городе живёт знаменитый незрячий профессор философии Игорь Владимирович Вишев. В районной администрации Увельского района Челябинской области работает в качестве юриста инвалид второй группы по зрению Сергей Пищальников.

В городе Озёрске живёт бард Светлана Юрьевна Спесивцева. Она является участником и лауреатом многих всероссийских фестивалей авторской песни. В своём родном городе руководит детской студией авторской песни «Островок». Светлана Спесивцева — слабовидя-

щая, член ВОС. Она с удовольствием принимает участие в наших мероприятиях.

Светлана известна не только в восовской среде. У неё есть имя в Челябинской области. Думаю, что многие челябинцы, знающие Спесивцеву как барда, даже не догадываются, что у неё есть проблемы со зрением.

— *Наверное, этот пример наглядно показывает, что незрячий и слабовидящий человек может быть успешным и востребованным в зрячем мире!*

— Таких людей немало. Но не нужно забывать и о тех наших товарищах, кто не смог самостоятельно пробиться в жизни, кому требуется помощь и поддержка.

— *Хотелось бы больше узнать о «кухне» работы председателя областного правления. Часто ли к вам обращаются с жалобами, часто ли приходят люди, находящиеся в трудной жизненной ситуации?*

— Я человек доступный. Прийти на приём ко мне может каждый. В соседнем кабинете у нас работает Наталья Владимировна Уткина, профессиональный юрист. Она занимает должность специалиста по реабилитации Челябинской местной организации ВОС. Если кто-то считает, что его права нарушены, то Наталья Владимировна может помочь написать обращение в соответствующие инстанции.

Например, были случаи, когда к нам обращались люди, которым, по их мнению, необоснованно сняли инвалидность по зрению или снизили группу инвалидности. Такие решения официальных инстанций можно обжаловать.

Что касается финансовой помощи конкретным людям... ВОС — это не благотворительный фонд, а объединение товарищей по несчастью. Поэтому в этом плане наши возможности очень ограничены. Но мы можем

привлечь людей к нашей реабилитационной, досуговой работе. Если ко мне приходит на приём кто-то из инвалидов по зрению, то я всегда привлекаю к решению вопроса председателя соответствующей местной организации. Вместе мы ищем выход.

— *Татьяна Павловна, у вас напряжённый рабочий график. А как вы любите отдыхать? Как проводите досуг?*

— Я — трудоголик. Могу в выходные дни взять работу на дом. Например, приходится много времени проводить с документами Центральной контрольно-ревизионной комиссии ВОС. Когда я отдыхаю, то с удовольствием слушаю музыку, читаю книги, в том числе и «лёгкое чтение». Люблю органные концерты. Люблю театр.

— *В Челябинске часто в театр ходите?*

— При всей любви к родному городу в театр я в основном хожу в Москве. Моя работа предполагает многочисленные командировки в столицу. Я знакома со многими московскими театрами: «Современник», Театр оперетты, театр имени Ермоловой, театр «У Никитских ворот».

— *У вас есть жизненный девиз?*

— Жизненного девиза у меня нет. В одну фразу невозможно вместить всю жизненную философию. Но мне близки такие слова: «Делай что должно — и будь что будет!»

*Продолжение читайте в следующем номере
журнала.*

МОСКОВСКИЕ «БЕЛЫЕ НОЧИ»

«Была чудная ночь, такая ночь, которая разве только и может быть тогда, когда мы молоды...» Так начинается самая поэтичная и лиричная повесть Ф.М. Достоевского «Белые ночи». Не случайно писатель назвал свою повесть сентиментальным романом. В ней реальность становится похожей на фантазию. А фантазия, мечта — может ли она стать реальностью? Всё возможно в неверном, иллюзорном свете петербургских белых ночей. Самые счастливые моменты в жизни героя повести случаются белыми ночами, он встретил и полюбил чистую и прекрасную девушку Настеньку, такую же мечтательницу, как и он сам. Но его короткое счастье заканчивается с наступлением серого дождливого утра, он снова одинок. Но в его душе нет ни обиды на Настеньку,ждавшуюся своего любимого, ни разочарования. Ему сделали больно, но это лишь возвело его на такую душевную высоту, которая мало кому по силам. Он прощает свою возлюбленную и даже благословляет её. Финал повести печален, но не трагичен.

Недавно история о добром и наивном мечтателе обрела новую сценическую жизнь. Но обо всём по порядку. 7 июня 2018 года в Москве в рамках программы «Особый взгляд» благотворительного фонда Алишера Усманова «Искусство, наука и спорт» состоялась премьера «спектакля с закрытыми глазами» «Белые ночи». Спектакль этот необычный. Он проходит в формате «театра с закрытыми глазами». Глаза, правда, можно не закрывать, в зале создаётся полная темнота. Зато простран-

ство наполняется многочисленными звуками, запахами, благодаря чему ночь и становится «белой», то есть видимой, только иными средствами, отличными от привычных большинству — визуальных. Тактильные ощущения тоже имеют место, например, дождь идёт вполне реально.

Зрители оказываются в атмосфере Петербурга: его улочек, мостиков, каналов. Город, как и в повести, становится одним из участников событий. Главный герой здороваётся с домами, и они ему отвечают. Видно, что они с ним старые знакомые. Дома делятся своими переживаниями и тревожатся о друге. Небольшой уютный зал усадьбы Струйских, что находится в центре Москвы, превратился в переплетение петербургских улочек со старинными фонарями. Пространство зрительного зала цепями разделено на небольшие сектора, и зрители, находившиеся внутри них, могли ощутить себя жильцами петербургских домов, которые наблюдают за происходящим. Цепи превратились в кованые ограждения, а проходы между домами стали улочками и мостиками, по которым всё время движутся актёры. Благодаря такой организации пространства, действие происходит вокруг зрителя, окружает его со всех сторон.

Спектакль очень насыщен движением, несмотря на полную темноту. На улицах стоят самые настоящие старинные фонари, и даже есть часовая башня с заплатами мха, который, помните, от любви становится зеленее. Улочки выполняют ещё одну важную роль. Они служат направляющими ориентирами для актёров. Не забудьте, действие происходит в полной темноте.

Зато в звуках и запахах недостатка нет. Они создают картину дневного городского шума и ночной тишины,

которую подчёркивают мяуканье котов или собачий лай. При этом зрители вдыхают ночную свежесть каналов. А вот Матрёна варит свой «паршивый кофе и хороший обед», и воздух наполняется аппетитными ароматами. Материалы для создания обонятельных образов используются самые разные: это и натуральные запахи, и эфирные масла, и продукты парфюмерной фирмы «Деметр», которая создаёт необычные ароматы, например, запах земли или воды.

Звуковая палитра спектакля также очень насыщена. Для её реализации используются сложные современные технологии. По залу распределены шесть колонок, у каждой имеется своя звуковая дорожка. Благодаря этому звук может двигаться вместе с героями. Любым звуком можно управлять отдельно, что даёт много возможностей при подаче каждого. Звуковое пространство спектакля становится насыщенным и объёмным. На звукорежиссёра ложится трудная и ответственная работа по управлению этим сложным механизмом. Задействованы в буквальном смысле все пальцы рук и даже ноги. К этому, представьте, добавилась ещё роль и Матрёны, которую озвучивает именно звукорежиссёр. В спектакле три героя, но голосов в нём звучит гораздо больше. Все они — работа одного актёра Филиппа Хитрова. В некоторых случаях, правда, не обошлось без технической обработки звука.

Герои встретились ночью, когда «кончаются дела, должности и обязательства». Для него эти ночи были реальностью, в отличие от всех других ночей, где властвовала её величество «Фантазия». Ему показалось, что он обрёл наконец счастье, но почувствовать себя по-настоящему счастливым ему дано было только в эти

короткие белые ночи. Для неё те же самые ночи стали чем-то призрачным. Они были наполнены противоречивыми переживаниями и окончились счастливой реальностью.

Ещё одной особенностью спектакля стало участие в нём незрячей актрисы. Роль Настеньки сыграла юная Яна Наместник. По словам режиссёра спектакля Екатерины Негруца, именно это смешение мира реальности и фантазии, ночи и дня натолкнуло её на решение поиграть в перевёртыши — поменять местами внешнее и внутреннее. В результате более земную, реалистично мыслящую героиню играет незрячая девушка, а мечтателя, оторванного от реальности зрячий актёр Егор Сальников. Режиссёр рассказывает, что очень интересно было погружаться в исследование самой субъективности реального и нереального. Реальность относительна в произведении Достоевского. Участие же незрячей актрисы вносит дополнительную ноту в этот относительный мир. Воображение может дорисовывать картину жизни незрячему человеку, но по причинам, от него не зависящим. Зрячий же человек по собственной воле может находиться в мире иллюзий. Для зрителей погружение в темноту и участие незрячей актрисы размывает границы между зрячестью и незрячестью, помогает понять и сблизить эти состояния.

Яна Наместник была среди зрителей спектакля «Вольке», первой ласточки проекта «Спектакли-невидимки». Позже в школе для незрячих детей, где учится Яна, появилась театральная студия — студия невидимого театра. Там под руководством Екатерины Негруца девочка активно занималась. Творческие люди не стоят на месте, и была создана лаборатория для введения не-

зрячего актёра в спектакль «Вольке». Режиссёр выбрала Яну, и она сыграла в этом спектакле.

И вот теперь — «Белые ночи». Спектакль был поставлен всего за полтора месяца. Задачи перед актёрами и всей творческой командой стояли трудные. На Яну легла большая нагрузка, она ведь не профессиональная актриса. А её партнёру было трудно освоиться с темнотой, она не является для него привычным состоянием. Актёры досконально изучили конфигурацию пространства, где им предстояло не только ходить, но и бегать. Яна училась работать со своим телом. Профессионалы умеют использовать его для достижения определённого эмоционального состояния. Незрячему же человеку, тем более с рождения, труднее этого достигнуть. Также очень много внимания было уделено работе с речью. И режиссёр, и сама Яна, и все остальные участники активно искали новые методы для достижения поставленных целей. И всё получилось! Теперь главная задача юной актрисы — удерживаться в форме, в том числе и эмоциональной, регулярно играя в одном спектакле. Это, как ни странно может показаться, и профессионалам бывает нелегко. Однако, по словам режиссёра, Яна обладает многими данными, чтобы стать настоящей актрисой.

Спектакль «Белые ночи» — не первая работа в формате «театр с закрытыми глазами». Он является продолжением проекта «Спектакли-невидимки», хотя формально в него не входит. «Белые ночи» появились по инициативе благотворительного фонда Алишера Усманова «Искусство, наука и спорт». Фонд создал программу «Особый взгляд» для поддержки людей с нарушением зрения.

На этот раз постановщики отказались от масок, которые на предыдущих спектаклях проекта должны были

надевать на глаза зрячие люди, чтобы почувствовать, как воспринимает окружающий мир слепой человек и каков этот мир, если исключить визуальные впечатления. На спектакле в зале специальным образом была создана полная темнота.

Проект «Спектакли-невидимки» появился в 2014 году. Первым стал спектакль «Вольке», который был подарком для незрячих детей к Новому году. В то время команда «Невидимок» была пионером в этой области. Таких спектаклей раньше просто не было. Сначала планировалось создание аудиокниги для детей «Сказка всем». Руководитель программы «Особый взгляд» фонда «Искусство, наука и спорт» обратилась к Екатерине Негруца с просьбой о сотрудничестве. Но Екатерина — театральная режиссёр. В результате родился спектакль «Вольке». Первые показы проходили без масок и без создания темноты, потому что подразумевалось, что спектакль будут смотреть только незрячие дети. Шёл активный поиск средств, которые бы позволили сделать сценическую историю абсолютно понятной и эмоционально насыщенной для незрячего ребёнка, причём без всяких комментариев. Позже стало понятно, что спектакль интересен и слабовидящим людям, и зрячим. Тогда у создателей постановки возникла мысль, что зрячий может на время спектакля сравняться с незрячим и почувствовать, как тот воспринимает окружающий мир. Отсюда возникли сначала маски на глаза, и вот теперь — полная темнота.

В рамках проекта «Спектакли-невидимки» было поставлено ещё три спектакля: «Чучело», «Рождественская история» и «Всё началось со шторки для душа». В последний уже введён незрячий актёр. Он играет незря-

чего же героя. Поиск выразительных средств в спектаклях, где исключена визуальная составляющая, активно продолжался и продолжается.

Кроме показов в Москве «Белые ночи» ждут ещё гастроли в регионах. В Сочи же появятся свои «Белые ночи». Жемчужина Черноморского побережья выиграла грант на постановку спектакля. История петербургского мечтателя будет воссоздана в кукольном театре «Сак-вояж». Темнота будет, но незрячие актёры на сцене не появятся. Курирует сочинский спектакль и делится опытом Екатерина Негруца.

Московские «Белые ночи» закончились гимном душевной чистоте и благородству: «Ну, чтоб я помнил обиду мою... никогда... да будет чистым небо твоё... да будет безмятежной улыбка твоя... да будешь ты благословенна за минуту блаженства, которое ты подарила одинокому сердцу!»

ЛИСТАЯ СТРАНИЦЫ АРХИВНЫХ НОМЕРОВ

«Советский Школьник» №11 за 1985 год

Алексей Зайцев

ДАВНЫМ-ДАВНО СЕГОДНЯ...

Марк Твен стоит у окна и говорит, слегка наклонив голову. Литератор Альберт Пейн расположился на диване. В глубине комнаты женщина стенографистка быстро пишет крючки в блокнот. Тикают часы. Духота. Пляшут пылинки в солнечном луче. Окно раскрыто настежь. За окном — 1906 год...

«Когда я пишу эту „автобиографию“, я ни на минуту не забываю, что держу речь из могилы. Это в самом деле так: меня не будет в живых, когда книга выйдет в свет. Я предпочитаю разговаривать после смерти, а не при жизни, по весьма серьёзной причине: держа речь из могилы, я могу быть откровенен».

...Несколько месяцев назад, когда Альберт Пейн обратился к великому писателю за материалами для его биографии, Твен неожиданно предложил ему свой, ни на что не похожий способ работы: Твен будет диктовать в присутствии стенографистки, а Пейн может намечать темы диктовок, спрашивать и уточнять детали.

«Мы никогда не знали, о чём он будет сегодня говорить, и он сам редко знал это заранее», — вспоминал потом Альберт Пейн.

«Пусть этот рассказ будет одновременно и дневником и автобиографией. Тогда я сумею столкнуть животрепещущую современность с воспоминаниями о чём-то, что было сходно с нею, но случилось в далёком прошлом...»

— То есть прошлое интересует вас лишь постольку, поскольку оно перекликается с настоящим? Я не ошибся, мистер Твен?

Твен поворачивается спиной к окну:

— Вы меня перебили...

— Простите, я хочу уяснить одну мысль...

Пейн думает. Водит ладонью по гладкому дереву подлокотника.

— На протяжении всей жизни, — произносит он, — человек остаётся самим собою и в то же время меняется до неузнаваемости. Меняется его отношение к миру — меняются его воспоминания о прошлом. Писатель ведь ищет в прошлом причину своего успеха, своей славы, это они обеспечивают ему надёжное положение в обществе или, по крайней мере, — в себе самом?

Стенографистка перелистывает блокнот. Часы в старинном футляре качают тяжёлым маятником.

— Слава — дым, успех — случайность, единственное, что надёжно на земле, — это безвестность. — Марк Твен смотрит на Пейна, вздыхает и продолжает диктовать.

Много лет назад, в маленькой деревушке близ берегов Миссисипи родился мальчик по имени Сэмюэл Ленгхорн Клеменс. Давно ли это было? Трудно сказать... Прошли годы, мальчик вырос, покинул родные края и объездил полмира. Он перепробовал уйму профессий: был матросом, лоцманом, золотоискателем, чиновником, солдатом, наборщиком в типографии и журналистом. Потом он сделался писателем. Почерком лёгким, как бег

борзой собаки, он исписал сотни тысяч страниц — исписал так, что и века спустя люди во всех уголках земного шара будут читать их с восхищением.

Теперь он старик. Его родные умерли. На дворе 1906 год. Большой город на чужом континенте. Стук подков и крики газетчиков. К вечеру воздух становится прохладнее. Он стоит у окна и говорит, говорит, говорит...

Два знакомых слова прокричал мальчишка-газетчик: «Бай зе Марк Твен!» Или это ему показалось? Уличный шум путает мысли... «Бай зе Марк Твен!» — «Отметка два!» — крик матроса на Миссисипи. Это значит, что все мели уже пройдены и корабль вышел на глубокую воду. «Марк Твен» — литературный псевдоним Сэмюэля Клеменса. Так он подписывает свои произведения. Так его теперь называют все.

«Вода выше Дюбьюка* оливково-зелёная, полупрозрачная, роскошно освещённая солнцем. Верхняя Миссисипи — страна удивительных закатов».

Миссисипи — не только страна удивительных закатов, это страна детства Марка Твена, страна его любимых героев Тома и Гека. По этой стране начал он в юности своё удивительное плавание.

На кораблях есть вахтенные журналы. У писателя — дневники и записные книжки. В них собирает он мысли и впечатления, возникшие вдруг в голове сюжеты, то, что когда-нибудь войдёт в книги, и то, чему никогда не суждено в них войти. Первые записные книжки Марка Твена представляют собой конспекты, пестрят вычислениями — в те времена он учился на лоцмана. Потом —

*Дюбьюк — город в североамериканском штате Айова, при реке Миссисипи.

забавные случаи, анекдоты... Твен — злой сатирик, двумя-тремя фразами он умеет разить наповал:

«На заседании правительства США.

Убито двести индейцев. Во что это обошлось — два миллиона долларов. За эти деньги можно было бы дать им высшее образование».

Или: «По поводу дуэлей: допустим, что можно смыть бесчестие, изувечив обидчика, но смоемся ли бесчестие, если он изувечит вас?»

Твен — противник жестокости, и его смех — орудие против жестокости.

«Всё человеческое грустно. Сокровенный источник юмора — не радость, а горе», — пишет он. Понять эту мысль нам помогут две записи из его дневника 1866 года:

«27 июня. Пятница. Словили двух альбатросов... Крепко привязали одному к ноге деревянную чурку и отпустили летать — низкое издевательство „царя природы“ над беззащитной птицей. Когда люди делали своё злое дело, птица глядела на них с укором и огромными человеческими глазами».

И сразу же за этой записью — следующая, казалось бы, совершенно лишняя здесь:

«Плотники, строящие ковчег для Ноя, потешаются над ним, считая его старым фантазёром».

Трагическое и смешное перемешаны в жизни. Но в жизни самого Твена трагическое берёт верх. Он оглядывается вокруг и видит: люди становятся всё хуже и хуже. Он не понимает, отчего это происходит, и скорбит об ушедших временах:

«Романтика речного кораблевождения умерла... Молодёжь больше не щеголяет речным жаргоном. Они мечтают теперь о железных дорогах...»

Твен не против железных дорог. Он желает счастья двадцатому веку, но предпочитает остаться в своём, девятнадцатом. Вот почему так долго, так любовно рассказывает он сегодня о совсем уже давних событиях. И уже пропускает слова усталая стенографистка. И ёрзает на диване литератор Альберт Пейн.

«...Два-три года тому назад, за обедом у Лоуренса Хаттона, Генри Ирвинг* спросил меня — не слыхал ли я историю про такого-то. Мне стоило немалого труда ответить „нет”. Он принялся рассказывать, потом помолчал и снова спросил: „Слушайте, вы в самом деле не знаете?” Я мужественно подтвердил, что не знаю. Он стал продолжать, потом опять замолк и спросил, правду ли я говорю. Тогда я сказал, что могу соврать один раз, могу из любезности соврать дважды, но не больше. Да, я слыхал эту историю; больше того, я сам её выдумал!

Правда не обычное вымысла, но это только потому, что вымысел обязан держаться в границах вероятности, правда же — не обязана... Мне никогда не удавалось соврать так, чтобы мне не поверили; когда я говорю правду, никто не желает мне верить».

Пейн просит пояснить эти слова. «Три дня назад, — напоминает ему Твен, — кто-то из соседей привёл к нам знаменитого русского революционера Чайковского. Это седой человек и уже старик с виду, Но в нём таится настоящий Везувий. Он полон такой веры в неизбежное торжество революции, что почти заразил меня своей надеждой и верой. Он приехал в Америку, предполагая

*Генри Ирвинг (1838 — 1905) — английский актёр-трагик. Прославился как исполнитель крупных драматических ролей в пьесах Шекспира.

зажечь огонь благородного сочувствия в сердцах нашей восьмидесятимиллионной нации счастливых поклонников свободы. Но честность заставила меня плеснуть в его кратер холодной воды. Я сказал ему то, что считаю истиной: что наше христианство, которым издавна кичимся, давно уже превратилось в мёртвую оболочку, в притворство, в лицемерие; что мы утратили прежнее сочувствие к угнетённым народам, борющимся за свою жизнь и свободу. Чайковский сказал, что мои слова глубоко огорчили его и он надеется, что я ошибаюсь...»

Твен — враг рабства, враг любой человеческой несвободы. Эти свои убеждения он распространяет и на приёмы литературной работы.

«Я наконец открыл истинный метод, как писать автобиографии: не выбирай, чтобы начать её в какое-либо определённое время своей жизни; броди по жизни как вздумается, веди рассказ только о том, что интересует тебя в данную минуту. Теперь мой труд будет развлечением, просто-напросто развлечением, потехой, приятным препровождением времени, не потребует никакого усилия».

— Потехой?! А как же ваш разговор из могилы, мистер Твен?

— А что? Из могилы полагается говорить скучно? Вот сейчас я, например, вообразил себя странствующим рыцарем. Представляете, как забавно? В латах, в Средние века! Привычки нашего времени и вытекающие отсюда неудобства: в латах нет карманов. Не могу почесаться. Насморк — не могу высморкаться, не могу достать носовой платок, не могу вытереть нос железным рукавом. Не могу одеться, не могу раздеться. В меня ударяет молния. Падаю и не могу подняться...

Решительно во всех своих книгах — в исторических романах, в романах-путешествиях — Твен выступает в первую очередь как замечательный рассказчик. Он не выискивает мудрости, чтобы собрать их, словно грибы в корзинку, — иные книги от этого делаются душными, как переполненные вагоны, — нет, речь Твена только плывёт и если набредает на мудрость, то это, как правило, одна малозаметная фраза, почти обмолвка — сам автор будто бы с иронией относится к ней:

«Человеку никогда не достичь столь головокружительных вершин мудрости, чтобы его нельзя было провести за нос».

Чудо твеновского таланта — лукавое чудо. Без таких обмолвок понять его невозможно.

Жизнь Марка Твена мы уже сравнивали с плаванием. Плавание — это ветер и поток, свежий ветер в лицо и поток воды, вспененной корабельным винтом.

«Мои книги — вода, — говорит Марк Твен, — воду пьют все».

Пятнадцать веков назад китайские мудрецы создали правила жизни художника. Совершенным человеком почитался в этих правилах тот, кто раз и навсегда подчинился потоку жизни, как движению ветра, кто забыл о различиях между слезами и радостью, между бедностью и богатством, открыл всё заново и постиг суть вещей.

Назывались эти правила «Ченлю», что в переводе означает — ветер и поток.

«...Лёгкий отчётливо-медный оттенок на неосвещённом солнцем спаде волны. Чудесное плавание, безостановочное, неспешное...»

Пейн смотрит на часы.

— Ладно, давайте прекратим, — соглашается Твен, — я немного отдышусь, и мы поговорим о чём-нибудь другом.

Ветер шевелит занавеску. Твен закрывает окно. Стенографистка откладывает карандаш, и 1906 год отдаляется от нас, делается неосязаемым.

О чём они, трое, беседуют за чаем?

— Стенографистка!

Нет, так не принято обращаться к женщинам.

— Миссис Джейн!.. Мерлин? Элизабет? Виктория... Возьмите свой карандаш! Не поленитесь! Запишите! Этот вечер больше не повторится!

«Школьный Вестник» №1 — 2 за 1997 год

Татьяна Чекальникова

МАШИНЫ СОВЕТЫ

Настал щедрый на солнышко июль, и Маша едет в деревню к родным. Дорога длинная-предлинная, а чтобы не было скучно, Маша читает книжку — это былина про старого богатыря Илью Муромца: «Ай, во славном было городе, во Муроме, Ай, во том селе, да в Карачарове...»

А за окошком те самые муромские леса плывут, и когда поезд останавливается, слышно, как шумят раскидистые берёзы да вековые дубы. Вон на том, может, сам Соловей-разбойник сидел: ишь, корявый какой! А в таком вот маленьком домике с резными наличниками, наверное, жил Илья со своими родителями: «тридцать лет не служили ему ножки резвые»... И вот приходят к

нему калики перехожие, просят его принести кваску и самому же велют пить. И Илья встаёт.

«Вот необычный какой квасок, чудодейственный», — думает Маша. Но помечтать не успевает — вот уж за окошком её станция. Знакомые рябинки глядят через ограду платформы: «А, это ты, Маша, помним, помним!»

Деревенский дом встречает Машу запахом сушёных яблок и ещё чего-то родного и забытого. Здесь всё та же широкая печь с занавесочкой, та же тишина в дальней горнице. А ещё тихо потому, что никого нет дома: на столе записка лежит — «Маша, мы на сенокосе. Кушай окрошку, сметана в погребе». А вокруг на столе настоящее деревенское угощение: чёрный хлеб, ноздреватый и с хрустящей корочкой, сахарные помидоры и мелкие огурчики, красиво нарезанный салат на окрошку.

Верно, от жары окрошка кажется такой вкусной? Нет! Это сама окрошка какая-то интересная — с рыбкой! И квасок особенный! Хозяйева этого дома всегда чем-нибудь да порадуют гостя. А гостей у них бывает много: и дети, и внуки, и племянники... Может быть, здесь потому и еда такая вкусная, что дом гостеприимный?

Вспомнила тут Маша про Илью Муромца. Ведь он, Илья, тоже приветливым был: с печки встал, чтобы странникам услужить. А потом стал богатырём...

Маша обрадовалась этой мысли, но книжку в деревне дочитать ей не пришлось. Целыми вечерами слушала она рассказы о деревенском житье-бытье и, между прочим, записала рецепты.

Если зайдут к ней добрые люди, она их хотя бы кваском напоит.

ОКРОШКА С РЫБКОЙ

Мелко нарежьте огурцы, варёную картошку, редис, крутые яйца, зелёный лук, петрушку, укроп, рыбу (жареную или консервированную). Добавьте ржаной, несладкий квас, немного сметаны или кефира, подсолите.

ОКРОШКА-СВЕКОЛЬНИК

Молодую свёклу с ботвой промыть, свёклу очистить и варить в подсоленной воде 20 минут. Потом добавить ботву и варить ещё 10 минут. Готовую свёклу с ботвой откинуть на дуршлаг, мелко нарезать. Отварить и крошить в тарелку мясо, картошку, яйца, добавить зелень, свежие огурцы, сметану или кефир, залить охлаждённым свекольным отваром. Свекольник готов!

КВАС

На 8 л воды — одна буханка ржаного хлеба. Из хлеба сделать сухарики — посушить, обжарить. Затем сложить в эмалированное ведро, залить крутым кипятком (8 л), — пусть стынет.

Сделать закваску — 3 ст. ложки муки (лучше — ржаной), 1/3 палочки дрожжей, 1 ст. ложку сахарного песка растворить в литровой банке тёплой воды и оставить бродить на 2 — 3 часа.

Замоченные сухари, когда вода остынет, процедить, отжать, в процеженный отвар добавить закваску и стакан песка. Держать не менее суток в прохладном месте.

САЛАТ НА СКОРУЮ РУКУ

Толстыми кружками нарезать помидоры и разложить на блюде. На каждый кусочек положить толчё-

ный чеснок, ложку майонеза, посолить, украсить луком и зеленью.

ЗЕЛЁНЫЕ ПОМИДОРЫ

На 5 кг помидоров — 0,5 кг лука, 1 кг моркови, 1 банка томатного соуса, 400 г подсолнечного масла, чёрный перец, лавровый лист.

Помидоры, лук, морковь пропустить через мясорубку. Добавить соус, масло, чёрный перец, лавровый лист и потушить 30 минут.

Заранее подготовить банки для консервирования — подержать над горячим паром 20 минут. Разложить тушёные овощи в банки, а готовые банки закатать и перевернуть.

САЛАТ КРАСНЫЙ

Красные сладкие перцы нарезать тонкими кольцами, помидоры и яблоки — мелкими кубиками, посыпать петрушкой и добавить салатную заправку. Вот её рецепт.

САЛАТНАЯ ЗАПРАВКА

Для 200 г салатной заправки перемешать 70 г растительного масла, 130 г 9%-ного уксуса, 10 г сахара, щепотку чёрного молотого перца, неполную чайную ложку соли.

ЗАБЫТОЕ ЯБЛОКО

Ещё с вечера Маша собралась за ягодами. А сегодня поутру накинула на голову цветной платочек, взяла ба-

бушкину корзинку да положила в неё шафранное яблочко на дорожку.

Идёт Маша по тропинке. Длинная дорога. Вдруг запели вокруг весёлые синички, защебетали чижи, и ветер из чащи донёс аромат прелых листьев и запах последних грибов. «Почему я раньше этого не замечала? — думала Маша. — А может, это я спешила, потому и красоты не замечала?»

Дальше она уже шла помедленнее, — вот на опушке стоит приметный дуб, он только оживает от морозов, и листьев у него в этом году было мало. А рядом красуется рябина, ягоды на тонких ветках точно восковые, — гладкие, блестящие. Полную корзинку набрала Маша на этой опушке, а здесь по-прежнему много ягод. Весело поют синички: осень, осень, всем рябины хватит.

Дома стала Маша разбирать ягоды, а на дне лежит забытое яблоко. И оно тоже пахнет осенью... Подольше бы сохранить этот аромат! И здесь пригодится бабушкино искусство.

ВАРЕНЬЕ ИЗ РЯБИНЫ С ЯБЛОКАМИ

Яблоки нарезать дольками и подержать 2 мин в кипящей воде. Ягоды рябины проварить 2 мин в подсоленной воде, затем промыть холодной водой, перемешать с яблоками и залить остывшим сахарным сиропом. На следующий день сироп вскипятить и охладить. Снова залить им плоды, выдержать до следующего дня и варить варенье на слабом огне до готовности.

На 1 кг ягод — 500 г яблок, 2 кг сахара, 2 стакана воды.

ВАРЕНЬЕ ИЗ ДИКОРАСТУЩЕЙ РЯБИНЫ

Зрелые ягоды перебрать, промыть и проварить в кипящей воде до размягчения, но не разваривать. Воду слить. Когда ягоды остынут, пересыпать их в таз, залить сахарным сиропом и варить в несколько приёмов, время от времени снимая их с огня и выдерживая по 3 — 4 часа. Готовое варенье разлить в глубокие фаянсовые тарелки, выдержать 10 — 12 часов. Переложить в чистые банки.

На 1 кг ягод — 1 кг сахара, 2 стакана воды.

Чтобы варенье из рябины сохранило цвет, в конце варки можно добавить лимонную кислоту из расчёта 1 г на 1 кг сахара.

КОНФЕТЫ ИЗ РЯБИНЫ

Яичный белок растереть с сахарным песком, влить лимонный сок и размешать до загустения.

Обвалять в этой массе каждую ягоду рябины, обкатать в сахарной пудре и выложить на лоток — пусть просохнет.

На 2 стакана ягод — 1 яичный белок, 150 г сахарного песка, 1 столовая ложка лимонного сока, сахарная пудра.

ЖЕЛЕ ИЗ РЯБИНЫ

Отобранные и промытые ягоды опустить в кипящую подсоленную воду, затем ополоснуть ягоды холодной водой и разварить их в двух стаканах воды. Отжать ягоды через марлю или полотно, добавить в отжатую массу сахар и уварить желе до нужной густоты.

На 1 кг ягод — 2 стакана воды, 100 г сахарного песка.

ВАРЕНЬЕ ИЗ ЧЕРНОПЛОДНОЙ РЯБИНЫ

Ягоды перебрать, очистить, вымыть. Листья вишни залить холодной водой, поставить в эмалированной кастрюле на медленный огонь, довести до кипения. Настой процедить через 4 слоя марли, на нём приготовить сахарный сироп.

Ягоды опустить в горячий сироп и варить до готовности, добавив мелко нарезанные яблоки из расчёта примерно 10 — 15 процентов к массе ягод. Варенье отличается прекрасным ароматом и приятной кислинкой.

На 1 кг ягод — 1 кг сахара, 1 стакан воды, 2 горсти листьев вишни, антоновские яблоки.

ПРОБА ПЕРА

Надежда Потанина

Ученица 7 класса ГБОУ «Набережночелнинская школа № 75 для детей с ограниченными возможностями здоровья»

О, КАК НЕДАВНО...

О, как недавно я была малюткой,
О, как недавно крошкой я была!
Но пролетели чередой минутки,
И я уже немного подросла.

Я знаю, очень скоро стану взрослой,
И пусть летят стремительно года,
Я буду помнить, как шумели сосны,
Я буду помнить милый дом всегда.

Я буду помнить мамочку родную,
Её весёлый нежный голосок,
Мою любимую, навеки дорогую,
Мой солнца свет, мой яркий огонёк.

Когда была ещё совсем я крошкой,
Я не ценила беззаботных дней,
И думала я только о хорошем,
И наслаждалась жизнью я своей.

Была весёлой, шумной, шаловливой,
Бывала и капризной иногда,

Но оставалась я всегда счастливой
В те беззаботные и дивные года.

Я знаю, очень скоро вольной птицей
Придёт пора мне в небо улететь,
Но в памяти навеки сохранится
Тот дом, где провела я много лет.

Тот милый дом, где от отцовской ласки
Мне на душе приятно и тепло,
Тот милый дом, где вечно жили сказки
О том, как чудо побеждает зло.

И если люди детство не забудут,
Их эта память будет вечно греть,
Они друг другу улыбаться будут,
И станет мир прекрасней и добрей.

Настя и Артём Медниковы

Ученики Челябинской школы № 127

ЗАЙЧОНОК-ПОБЕДИТЕЛЬ

В одном прекрасном лесу жил маленький зайчонок. И называли его все зайчишка-трусиска. Зайчик был очень весёлый, добрый, но уж очень пугливый. Ну всего боялся! И вот однажды, бегая между кустами и деревьями, он уткнулся носом во что-то мягкое, тёплое и большое.

Зайчонок отпрыгнул назад, поднял глазки и увидел, что перед ним сидит большой старый медведь. Наш зайка весь задрожал от страха, уши прижал, в животе у него защекотало, в горле всё пересохло. Хотел он стре-

кача дать, да не тут-то было: лапы у зайчонка подкосились от страха. Лежит, дрожит.

А старый медведь положил зайке на спинку свою большую тяжёлую лапу и погладил. И так тепло от этой лапы стало зайке, спокойно. Поднял он длинные ушки, носом зашевелил, приободрился. А медведь ему и говорит:

— Старый я, братец, не могу никак под корягу залезть, одну важную вещицу достать. Не сможешь?

Зайка обрадовался, ему очень нравилось помогать другим. Стал он лезть под корягу, да как-то не выходит у него. Лапы-то всё ещё дрожат. Хоть и не такой большой, да страх всё равно сидит в нём. Медведь ласково ткнул носом зайчонка в бок и говорит:

— Хочется мне, братишка, волшебный корешок тебе подарить. Да вот только не каждому этот корешок передать можно, а только победителю.

Зайка от любопытства даже про страх забыл. И не то чтобы корешок ему очень нужен был, а просто очень интересно стало. Медведь продолжает:

— Нужно, дружок, что-то очень важное победить, тогда — корешок твой.

У зайки глазки заблестели, побежал он на полянку, где молодые зверята обычно играют. Волчата, лисята, бельчата соревнуются — кто еловую ветку скорее схватит. В зайчишке опять страх проснулся: вдруг толкнут или укусят? Уши трясутся, хвост дрожит, но понёсся он со всеми за этой шишкой. Бежит рядом с рыжим бельчонком, сзади его лисёнок нагоняет, того гляди за лапку заднюю схватит, а впереди серый хвост волчонка мелькает. И вдруг такой страх зайчика захлестнул! Как припустил он вперёд, схватил эту ветку и наутёк.

Несётся, а по дороге вспоминает, как на бегу наперерез бельчонку бросился и тот упал, как в волчонка больно врезался и как зверята ему вдогонку что-то кричали.

Тут старый медведь ему навстречу медленно выходит. Зайчик остановился, еле дух переводит.

— Я победил! — наконец выпалил он.

Медведь грустно покачал своей мохнатой головой:

— Нет, братец, ты не победил, ты проиграл! Это страх тебя победил! Со страху ты ничего вокруг не видел, неприятности другим доставил, а полезного ничего не сделал. Эх, дружище, не могу я тебе пока корешок волшебный отдать.

Поплёлся зайка от медведя грустный-прегрустный. Идёт-бредёт и видит: огромная сорока у маленького ежонка ягодную веточку забирает. Зайчишка хотел кинуться заступаться, да опять страх как схватит его за лапы. И не может зайка с места сдвинуться, уши прижал, весь трясётся.

Слёзки у зайчика закапали из глазок. «Ну ужели я ничего сделать не могу?!» — подумал зайка. И встал он твёрдо на лапки, уши распрямил, подошёл к сороке и загородил ежонка. Сам себе зайка удивился, и так ему приятно стало!

Сорока помедлила и вдруг вспорхнула и улетела. А ежонок зайчишку благодарит, в гости зовёт, подружиться хочет.

И тут зайка увидел у сосны старого медведя. «Так вот кого сорока испугалась, а вовсе не меня», — подумал зайчик.

Медведь потихоньку подошёл, улыбнулся, обнял зайчишку могучей лапой и говорит:

— Вот теперь ты настоящий победитель!

Зайка удивился:

— Какой же я победитель, ведь не меня, а тебя сорока испугалась. Получается, это ты нас обоих спас.

— Глупыш, — сказал медведь. — Победитель — не тот, кто кого-то поборол, обогнал, опередил. Победитель — это тот, кто смог в себе победить нехорошее качество, в твоём случае — страх. Ты первым ухватил сосновую ветку, грубо оттолкнув бельчонка, и он лапку ушиб, а ты никакой радости не почувствовал. А когда ты за ежонка заступился, ты почувствовал радость: ведь ты смело и правильно поступил! Пусть сорока не из-за тебя улетела, но ты сделал всё, что мог. А главное — свой страх победил!

Ежонок с уважением смотрел на зайчишку. А зайка крепко сжимал в лапках тот самый волшебный корешок: теперь корешок по праву победителя принадлежит ему!

НА ПОЭТИЧЕСКОЙ ВОЛНЕ

Рифкат Гардиев

Жизнь прожить — не поле перейти:
Где найдёшь, а где-то растеряешь,
С кем поврозь, а с кем-то по пути,
С тем, в котором ты души не чаешь.

Шествуя безудержно вперёд,
Набивая шишки о преграды,
То пропустишь нужный поворот,
То впотьмах свернёшь куда не надо.

Вот и я, спрямить дорогу чтоб,
Попадал порою в волчьи ямы.
В синяках лиловых, в шишках лоб,
Через силу к цели брёл упрямо.

Было, что не тем я доверял,
Наступал я на коварства грабли,
Но в людей я веру не терял.
Изменюсь теперь уже навряд ли.

Освещён любовью изнутри,
С верой, что поможет снять усталость,
Я, надежду взяв в поводыри,
Прошагаю, сколько мне осталось.

ЗАКАТ НАД КАМОЙ

Золотятся Закамские кручи,
Волны вьют бесконечную вязь.
А за солнцем гоняется туча,
Крокодилью раскрывшая пасть.

Догнала, обожглась, отпустила —
От обиды слезой изошла.
Солнце ей проглотить не под силу.
Даль прозрачна опять и светла!

Погрустило светило немножко,
А потом засияло светлей.
По воде заструилась дорожка
Мириадам ярчайших огней.

Все дела, все заботы отбросив,
Побежать бы дорожкой той!
Ослепительной радости россыпь
Щедро дарит нам луч золотой.

На закате я вместо печали
Ощущаю лишь светлый восторг:
Словно новых свершений начало,
Поутру заалеет восток!

Окунёмся в цветочное лето,
Если можно, давай-ка вдвоём,
Бирюзово-небесного цвета
Мы отыщем в лесу водоём!

Спрятав в озере стройные ноги,
Будут что-то шептать камыши.
Все проблемы, обиды, тревоги
Растворятся, растают в тиши.

Шалаша нам довольно для счастья,
Лишь бы пахло душицей внутри.
Будут звёзды в воде отражаться
И стихи нам шептать до зари!

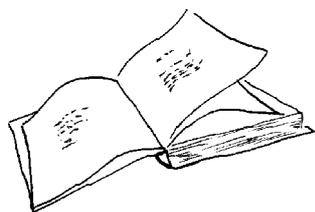
Чуть заметно клубясь, розовея,
Над водой затрепещет туман.
Запах трав на заре загустеет,
Как желанный и сладкий дурман.

Защебечут, защёлкают птицы,
Приближая прозрачный рассвет.
Дрогнут тихо кувшинок ресницы
Разбудившим их птицам в ответ.

Окунёмся в цветочное лето,
В разнотравье нырнём с головой!
Верю, песни не все ещё спеты,
Неприменно споём их с тобой!

НИКОЛОЗ БАРАТАШВИЛИ

1817 — 1845

Николоза Бараташвили по праву считают вторым по значению грузинским национальным поэтом после Шота Руставели (автора «Витязя в тигровой шкуре»),

хотя при жизни поэта не было напечатано ни одной его строчки.

Николоз родился в 1817 году в семье князя Мелитона Бараташвили и княжны Ефимии Орбелиани. Семья была из знатного и старинного, рода, в нём были и блистательные военные, и поэты, и даже патриарх Грузии. Отец будущего поэта, свободно владевший как русским, так и кавказскими языками, служил чиновником при генералах Ермолове и Паскевиче. По свидетельству современников, это был вспыльчивый и азартный человек, ведший довольно беспечную жизнь. Он проиграл в карты всё достояние семьи и разорил детей и жену. Бедственное материальное положение отца во многом определило судьбу Николоза.

Мать поэта, сестра поэта Григола Орбелиани, обладала редкими душевными качествами, и Николоз во многом унаследовал лучшие черты её характера. Она была первой учительницей сына, и именно она познакомила его с величественными памятниками древнегрузинской литературы.

В 1830 году десятилетний Тато (так его звали близкие) поступил в Тбилисское благородное училище, позже преобразованное в гимназию. Он был способным учеником, отличался весёлым и живым нравом, был острым на язык, прекрасно танцевал. Современники вспоминают, что у мальчика были живые чёрные глаза, брови, сходящиеся на переносице, и каштановые волосы. Роста был среднего, худощавый, но крепкого сложения. Ни одного подлинного прижизненного портрета Н. Бараташвили, увы, не сохранилось.

В ученические годы Николоз увлекался литературой, читал Байрона, Гёте, Мицкевича, Пушкина. На Кавказ

было сослано немало декабристов и участников Польского восстания 1831 года, и общение с ними во многом повлияло на формирование взглядов будущего поэта.

Но определяющее влияние на последующую жизнь и творчество Н. Бараташвили оказали события 1832 года. В 1928 году в Грузии возникло тайное общество, его целью было освобождение Грузии из-под власти царского самодержавия. Заговор был раскрыт. После расследования и суда в 1832 году все видные члены общества были высланы из Грузии. Среди них дядя поэта Григол Орбелиани и его учитель Соломон Додашвили.

Николоз мечтал о военной карьере. Исполнению мечты помешала досадная история: он упал с лестницы, сильно повредил ногу и навсегда остался хромым. К военной службе его признали негодным. И вторая его мечта — учиться в России в университете — тоже не осуществилась. В семье не было средств.

Молодой Николоз всерьёз увлекается поэзией, но автору гениальных стихов негде было их печатать, лишь узкий круг друзей и родственников знал о нём как о поэте. В Тифлисе выходила всего одна толстая газета. И выделять страницы под стихи было кому, помимо Бараташвили.

В 1844 году, чтобы поддержать больного и окончательно разорившегося отца, Николоз в восемнадцать лет поступил чиновником в высшее судебное учреждение на Кавказе, в Экспедицию суда и расправы. Из любимого Тифлиса он уезжал в подавленном душевном состоянии, без всякой надежды на скорое возвращение в привычный круг близких и друзей. Мечта о студенческой жизни обернулась серыми буднями мелкого чиновника в канцелярии. В письмах он часто жалуется на

одинок, на «круг чиновников, который не выгоден для образования нравственности».

Свободные от службы часы поэт посвящает стихам. Для этого периода его жизни характерно некоторое духовное раздвоение: то весёлое времяпрепровождение в холостяцкой компании, то полная замкнутость в самом себе. Он, по его словам, «одинок в этом обширном и многолюдном мире» и ищет уединения. От гнёта застойной чиновничьей среды и постоянного безденежья его спасала только природа — всё свободное время он проводил на реке или в горах. В письме к одному родственнику и другу, написанном на русском языке, он говорит «о непостижимости цели нашего существования, о безграничности желаний человеческих и суете всего подлунного, наполняющего душу ужасной пустотой».

Безвыходными были и личные обстоятельства — бедный, физически неполноценный поэт самозабвенно любил Екатерину Чавчавадзе, дочь знаменитого грузинского литератора Александра Чавчавадзе и родную сестру Нины Грибоедовой-Чавчавадзе. Николоз часто бывал в музыкально-литературном салоне «патриарха» образованного общества Тифлиса Александра Чавчавадзе и влюбился в красавицу Екатерину, когда та пела романс на одно из его ранних стихотворений.

Мы не знаем перипетий и внутреннего драматизма этой любви, знаем только о резком расхождении жизненных путей поэта и его возлюбленной — она стала супругой владельца Мегрелии Дадиани. Известно только, что, уезжая с мужем в его вотчину, Екатерина увозила с собой рукописный сборник стихов Бараташвили. Безответная любовь вдохновила его на гениальные строки, до него в грузинской поэзии так о любви никто не

писал. Стихи, посвящённые Екатерине, — блестящие образцы любовной лирики.

Прослужив полгода помощником нахичеванского уездного начальника, он был переведён на ту же должность в Гянджу, дикие и пустынные места. Двадцать первого октября 1845 года в возрасте двадцати семи лет Николоз Бараташвили скончался от злокачественной малярии в жалкой лачуге, в совершенном одиночестве. Похоронен был там же. Никто из родных и друзей на погребение приехать не смог. Позже им переслали тетрадку его стихов. Но возможности публикации не было, и о поэте забыли. Сбылась его поэтически-провидческая строка о себе в самом известном у нас его стихотворении «Цвет небесный, синий цвет...».

При жизни Н. Бараташвили не было напечатано ни одно его стихотворение. Его стихи распространялись лишь в немногочисленных автографах и списках. Впервые несколько стихотворений Бараташвили были опубликованы лишь через семь лет после его смерти, в 1852 году.

Грузия узнала о своём великом поэте спустя почти полвека. Друзья сберегли тонкую тетрадь с немногими по количеству стихами, донесли наследие поэта до новых поколений. Н. Бараташвили стал одним из самых популярных поэтов Грузии.

Могилу поэта отыскали и прах его торжественно перезахоронили в 1893 году. Начальник Тифлисского жандармского управления доносил департаменту полиции: «...прах национального поэта перенесли в Тифлис, где его встречала многотысячная толпа. Прах с большими почестями предали земле. Гроб переходил из рук в руки, люди почти всех сословий оспаривали его друг у друга,

и даже женщины старались как-нибудь принять участие в несении гроба, хотя бы несколько шагов. Матери приводили своих детей, ставили их на колени перед гробом и воздавали праху почести, как святыне».

При советской власти, в 1938 году, останки поэта были перенесены на воспетую им гору Мтацминду и преданы земле в Пантеоне выдающихся деятелей Грузии.

Наследие его невелико по объёму: всего тридцать семь стихотворений, одна небольшая поэма и около двадцати личных писем. Но в нём запечатлён большой и прекрасный поэтический мир.

СУМЕРКИ НА МТАЦМИНДЕ*

Люблю твои места в росистый час заката,
Священная гора, когда твои огни
Редуют, и верхи ещё зарёй объяты,
И по низам трава уже в ночной тени.

Не налюбуйешься! Вот я стою у края.
С лугов ползёт туман и стелется к ногам.
Долина в глубине как трапеза святая.
Настой ночных цветов плывёт, как фимиам.

Минутами хандры, когда бывало туго,
Я отдыхал средь роц твоих и луговин.
Мне вечер был живым изображеньем друга.
Он был как я. Он был покинут и один.

Какой красой была овеяна природа!
О небо, образ твой в груди неизгладим.

**Мтацминда* — гора, возвышающаяся над Тбилиси.

Как прежде, рвётся мысль под купол небосвода,
Как прежде, падает, растаяв перед ним.

О боже, сколько раз, теряясь в созерцанье,
Тянулся мыслью я в небесный твой приют!
Но смертным нет пути за видимые грани,
И промысла небес они не познают.

Так часто думал я, блуждая здесь без цели,
И долго в небеса глядел над головой,
И ветер налетал по временам в ущелье
И громко шелестел весеннею листвою.

Когда мне тяжело, довольно только взгляда
На эту гору, чтоб от сердца отлегло.
Тут даже в облаках я черпаю отраду.
За тучами и то легко мне и светло.

Молчат окрестности. Спокойно спит предместье.
В предшествии звезды луна вдали вошла.
Как инокини лик, как символ благочестья,
Как жаркая свеча, луна в воде светла.

Ночь на Святой горе была так бесподобна,
Что я всегда храню в себе её черты
И повторяю всегда дословно и подробно,
Что думал и шептал тогда среди темноты.

Когда на сердце ночь, меня к закату тянет.
Он сумеркам души сочувствующий знак.
Он говорит: «Не плачь. За ночью день настанет.
И солнце вновь взойдёт. И свет разгонит мрак».

ТАИНСТВЕННЫЙ ГОЛОС

Чей это странный голос внутри?
Что за причина вечной печали?
С первых шагов моих, с самой зари,
Только я бросил места, где бежали
Детские дни наших игр и баталий,
Только уехал из лона семьи,
Голос какой-то невнятный и странный
Сопровождает везде, постоянно
Мысли, шаги и поступки мои:
«Путь твой особый. Ищи — и найдёшь».
Так он мне шепчет. Но я и доныне
В розысках вечных и вечно в унынье.
Где этот путь и на что он похож?
Совести ль это нечистой упрёк
Мучит меня затаённо порою?
Что же такого содеять я мог,
Чтобы лишить мою совесть покоя?
Ангел-хранитель ли это со мной?
Демон ли мой искуститель незримый?
Кто бы ты ни был, поведай, открой,
Что за таинственный жребий такой
В жизни готовится мне, роковой,
Скрытый, великий и неотвратимый?

СЕРЬГА

Головку ландыша
Качает бабочка.
Цветок в движенье.
На щёку с ямочкой
Серёжка с камушком
Ложится тенью.

Я вам завидую,
Серьга с сильфидою!
Счастливец будет,
Кто губы жадные
Серьгой прохладною
Чуть-чуть остудит.

Богов блаженнее,
Он на мгновение
Бессмертье купит,
И мир безгрозя
В парах амброзии
Его обступит.

МОЯ МОЛИТВА

Отец небесный, снизойди ко мне,
Утихомирь мои земные страсти.
Нельзя отцу родному без участия
Смотреть на гибель сына в западне.

Не дай отчаяться и обнадёжь;
Адам наказан был, огнём играя,
Но всё-таки вкусил блаженство рая.
Дай верить мне, что помощь мне пошлешь.

Ключ жизни, утоли мою печаль
Водою из твоих святых истоков.
Спаси мой чёлн от бурь мирских пороков
И в пристань тихую его причаль.

О сердцевед, ты видишь все пути
И знаешь всё, что я скажу, заране.

Мои нечаянные умолчанья
В молитвы мне по благодати зачти.

Что странного, что я пишу стихи?
Ведь в них и чувства не в обычном роде.
Я б солнцем быть хотел, чтоб на восходе
Увенчивать лучами гор верхи;

Чтоб мой приход сопровождали птицы
Безумным ликованием вдалеке;
Чтоб ты была росой, моя царица,
И падала на розы в цветнике;

Чтобы тянулось, как жених к невесте,
К прохладе свежей светлое тепло;
Чтобы существованьем нашим вместе
Кругом всё зеленело и цвело.

Любви не понимаю я иначе,
А если ты нашла, что я не прост,
Пусть будет жизнь избитой и ходячей
Без солнца, без цветов, без птиц и звёзд.

Но с этим ты сама в противоречье,
И далеко не так уже проста
Твоя растущая от встречи к встрече
Нечеловеческая красота.

Глаза с туманной поволокою,
Полузакрытые истомой,

Как ваша сила мне жестокая
Под стрелами ресниц знакома!

Руками белыми, как лилии,
Нас страсть заковывает в цепи.
Уже нас не спасут усилия.
Мы пленники великолепия.

О взгляды, острые, как ножницы!
Мы славим вашу бессердечность
И жизнь вам отдаём в заложницы,
Чтоб выкупом нам стала вечность.

Я храм нашёл в песках. Среди тьмы
Лампада вечная мерцала,
Неслись Давидовы псалмы,
И били ангелы в кимвалы.

Там отрясал я прах от ног
И отдыхал душой разбитой.
Лампады кроткий огонёк
Бросал дрожащий свет на плиты.

Жрецом и жертвой был я сам.
В том тихом храме среди пустыни
Курил я в сердце фимиам
Любви — единственной святыне.

И что же — в несколько минут
Исчезли зданье и ступени,

Как будто мой святой приют
Был сном или обманом зренья.

Где основанье, где престол,
Где кровельных обломков куча?
Он целым под землю ушёл,
Житейской пошлостью наскуча.

Не возведёт на этот раз
Моя любовь другого крова,
Где прах бы я от ног отряс
И тихо помолился снова.

Мужское отрезвление — не измена.
Красавицы, как вы ни хороши,
Очарованье внешности мгновенно,
Краса лица — не красота души.

Печать красы, как всякий отпечаток,
Когда-нибудь сотрётся и сойдёт,
Со стороны мужчины недостаток:
Любить не сущность, а её налёт.

Природа красоты — иного корня
И вся насквозь божественна до дна,
И к этой красоте, как к силе горней,
В нас вечная любовь заронена.

Та красота сквозит в душевном строе
И никогда не может стать стара.

Навек блаженны любящие двое,
Кто живы силами её добра.

Лишь между ними чувством всё согрето,
И если есть на свете рай земной,
Он во взаимной преданности этой,
В бессмертной этой красоте двойной.

Цвет небесный, синий цвет,
Полюбил я с малых лет.
В детстве он мне означал
Синеву иных начал.

И теперь, когда достиг
Я вершины дней своих,
В жертву остальным цветам
Голубого не отдам.

Он прекрасен без прикрас.
Это цвет любимых глаз.
Это взгляд бездонный твой,
Напоенный синевой.

Это цвет моей мечты.
Это краска высоты.
В этот голубой раствор
Погружён земной простор.

Это лёгкий переход
В неизвестность от забот

И от плачущих родных
На похоронах моих.

Это синий, негустой
Иней над моей плитой.
Это сизый, зимний дым
Мглы над именем моим.

АЗ, БУКИ, ВЕДИ

Елена Анохина

ЗАРАЗИЛИ

Мрачный врач компьютер вынес
Из квартиры на руках.
Он сказал: «Ужасный вирус...
Всей системе — полный крах».

«Нахватала с почтой спама...» —
Причитала в спальне мама.
«Доигрался! Крах!! Конец!!!» —
Закричал в сердцах отец.

Тихо бабушка сказала:
«Может, плохо протирала?..»
«Нет, — печально буркнул дед, —
Я залазил в Интернет!»

И шепнул, потупив взор:
«Я... чихнул на монитор!»

ПОПОЛАМ

Всё, братишка мой любимый,
Мы разделим пополам:
Если купят пластилина —
Мы поделим пополам.
И тарелку манной каши

Мы поделим пополам,
И мороженое даже
Мы поделим пополам.
Даже в тёплой речке волны
Мы поделим пополам,
И единственный подсолнух
Тоже — с братом пополам.
Мы расставлены с братишкой
Врозь, по собственным углам.
Мы сегодня с братом книжку
Поделили пополам...

ПРО СБЕЖАВШЕЕ МОЛОКО

«Эй, хозяйюшка, ты где?
Я забыто на плите!
Подо мной огонь горит —
Вся душа моя кипит!
Я даю последний шанс,
Чтоб меня хоть кто-то спас...
Всё! Довольно! Не могу!
До свиданья! Я бегу...
Эй! Хозяйюшка! Ты где?
Я разлито по плите...»
Да... Не очень далеко
Убежало молоко!

ГАЛЯ НА ДИЕТЕ

Галя бредёт не совсем налегке:
Голод у Гали сидит в рюкзаке,
Голод бросается Гале под ноги,
Он поджидает её на пороге.

Галя здорова — она не болеет:
Девочка Галя упорно худеет!
В школе залезла она на турник —
Ветром сорвало её через миг...

Чтобы спастись от коварного ветра,
Носит бедняжка в кармане монету.
Галины глазки пирожные гложут:
Галя пирожные кушать не может:

Каши, котлеты, супы и конфеты
Есть запрещает ребёнку диета...
Девочка Галя тихонечко тает,
Прямо на наших глазах исчезает.

Как у диеты Галину украсть,
Чтобы совсем не успела пропасть?

Карел Чапек

ДАШЕНЬКА, ИЛИ ИСТОРИЯ ЩЕНЯЧЬЕЙ ЖИЗНИ

1

Когда она родилась, была это просто-напросто беленькая чепуховинка, умещавшаяся на ладошке, но поскольку у неё имелась пара чёрных ушек, а сзади хвостик, мы признали её собачкой, и так как мы обязательно хотели щенёнка-девочку, то и дали ей имя Дашенька.

Но пока она так и оставалась беленькой чепуховинкой, даже без глаз, а что касается ног — ну что ж, виднелись там две пары чего-то; при желании это можно было назвать ножками.

Так как желание имелось, были, стало быть, ножки, хотя пользы от них ещё было немного, что и говорить! Стоять на них Дашенька не могла, такие они были шаткие и слабенькие, а насчёт ходьбы вообще думать не приходилось.

Когда Дашенька взяла, как говорится, ноги в руки (по правде сказать, конечно, ног в руки она не брала, а только засучила рукава, вернее, она и рукавов не засучивала, а просто, как говорят, поплевала на ладони, — поймите меня правильно: она и на ладони не плевала, во-первых, потому, что ещё не умела плевать, а во-вторых, ладошки у неё были такие малюсенькие, что ей ни за что бы в них не попасть), — словом, когда Дашенька как следует взялась за это дело, сумела она за полдня дотащить от маминой задней ноги к маминой передней ноге, при этом она по дороге три раза поела и два раза поспала.

Спать и есть она умела сразу, как родилась, тут учить её не пришлось. Зато и занималась она этим удивительно старательно — с утра до ночи. Я даже, думаю, что и ночью, когда никто за ней не наблюдал, она спала так же добросовестно, как и днём — такой это был прилежный щенок.

Кроме того, она умела пищать, но как щенок пищит, этого я вам и нарисовать не смогу, не смогу и изобразить, потому что у меня недостаточно тонкий голос. Ещё умела Дашенька с самого рождения чмокать, когда она сосала молоко у мамы. А больше ничего не умела.

Как видите, не так-то много она умела. Но её маме (зовут её Ирис, она жёсткошерстный фокстерьер) и того было довольно: весь день напролёт она нянчилась со своей дорогой Дашенькой и находила о чём с ней беседовать, причёсывала её и гладила, чистила и язычком своим умывала, утешала и кормила, ласкала и охраняла и подкладывала ей вместо перины собственное мохнатое тело; то-то славно там, милые, Дашеньке спалось!

К вашему сведению, это и называется материнской любовью. И у человеческих мам всё бывает так же — сами, конечно, знаете.

Одна разница: человеческая мама хорошо понимает, что и почему она делает, а собачья мама не понимает, а только чувствует — ей всё природа подсказывает.

«Эй, Ирис, — приказывает ей голос природы, — внимание! Пока ваш малыш слепой и беспомощный, пока он не умеет сам ни защищаться, ни прятаться, ни позвать на помощь, не смейте от него ни на секунду отлучаться, я вам это говорю! Охраняйте его, прикрывайте своим телом, а если приближается кто-то подозрительный, тогда — „ррр“ на него и загрызьте!»

Ирис всё это выполняла страшно пунктуально. Когда приблизился к её Дашеньке один подозрительный адвокат, она кинулась, чтобы его загрызть, и разорвала ему брюки; а когда подошёл один писатель, хотела его тоже задушить и укусила его за ногу; а одной даме изорвала всё платье.

Более того, кидалась она и на официальных лиц при исполнении ими служебных обязанностей, как то: на почтальона, трубочиста, электромонтёра и газопроводчика. Сверх того, покушалась она и на общественных

деятелей — бросилась на одного депутата, было у неё недоразумение даже с полицейским: словом, благодаря своей бдительности и неустрашимости она сохранила своё единственное чадушко от всех врагов, бед и напастей.

У собачьей мамы, дорогие мои, жизнь нелёгкая: людей на свете много и всех не перекусаешь.

В тот день, когда Дашенька отпраздновала десятидневную годовщину своей жизни, ожидало её первое большое приключение: проснувшись поутру, она, к своему удивлению, обнаружила, что видит — правда, пока только одним глазом, но и один глаз — это, я бы так выразился, выход в свет.

Дашенька была так поражена, что завизжала, и этот визг был началом собачьей речи, которую называют лаем. Теперь Дашенька умеет не только говорить, но и ворчать и браниться, но тогда она только взвизгнула, и это прозвучало так, словно нож скользнул по тарелке.

Главным событием был, впрочем, конечно, глаз. До сих пор Дашеньке приходилось искать прямо мордашкой, где у мамы те славные пуговицы, из которых брызжет молочко; а когда она пробовала ползать, приходилось ей сначала совать свой чёрный блестящий нос, чтобы пощупать, что там, впереди... Да, братцы, глаз — хоть бы и один — замечательная штука. Только мигнёшь им и видишь: ага, тут стена, тут какая-то пропасть, а вот это белое — мама! А когда захочешь спать, глазок закрывается — и спокойной ночи, не поминайте лихом!

А что, если опять проснуться?

Открывается один глаз — и, глядите-ка, открывается и второй, немного жмурится, а потом выглядывает цели-

ком. И с этой минуты Дашенька смотрит и спит двумя глазами сразу, так что она скорее успевает выспаться и может больше времени тратить на обучение ходьбе, сидению и другим разным разностям, необходимым в жизни. Да, что ни говори, большой прогресс!

Как раз в этот момент вновь послышался голос природы: «Ну, Дашенька, раз у тебя теперь есть глазки, смотри в оба и попробуй ходить!»

Дашенька подняла ушко в знак того, что слышит и понимает, и стала пробовать ходить. Сначала она высунула вперёд правую переднюю ножку... А теперь как же?

«Теперь левую заднюю», — подсказывал ей голос природы.

Ура, и это вышло!

«А теперь давай вторую заднюю, — посоветовал голос природы, — да заднюю, говорят тебе, заднюю, а не переднюю! Ах ты глупая Дашенька, ты же одну ножку сзади оставила! Пстой, дальше идти нельзя, пока ты её не подтянешь. Да, говорю тебе, подтяни ты правую заднюю под себя!.. Да нет, это хвостик, на хвостике далеко не уйдёшь! Запомни, Дашенька: о хвостике можешь не беспокоиться, он сам собой пойдёт за ножками... Ну что, все лапки собрала? Отлично! А теперь сначала: выдвигай правую переднюю, так, голову немного повыше, чтобы оставить место для ножек... так, хорошо; теперь левую заднюю, а теперь правую заднюю (только не так далеко в сторону, Дашенька; двигай её под себя, чтобы животик не волочился по земле... вот так). А теперь шагай левой передней... Прекрасно! Вот видишь, как хорошо дело идёт!.. Теперь минутку отдохни и начинай сначала: одна — две — три — четыре; голову выше; одна — две — три — четыре!»

Как видите, ребята, работы тут немало, а голос природы — учитель ой-ой-ой какой строгий, он ничего не спускает щенку-ученику.

Хорошо ещё, что порой он бывает занят — скажем, учит молодого воробья летать или показывает гусенице, какие листья можно есть, а какие не надо трогать. Тогда он задаёт Дашеньке только уроки, домашние задания (например, пересечь по диагонали, от угла к углу, всю собачью конуру) и исчезает. Справляйся, бедняжка, сама как хочешь!

Дашенька ужасно старается, от напряжения у неё даже язычок высовывается: правой передней, теперь левой задней (батюшки мои, да какая же тут левая, какая правая — эта или эта?), и другой задней (да где же она у меня?)... А теперь что?

«Плохо! — кричит голос природы, запыхавшись. Ведь он учил воробьёв летать! — Шаги поменьше, Дашенька, голову выше, а лапки хорошенько подбери под себя. Повторить упражнение!»

Голосу природы — ему, конечно, хорошо командовать, а когда у тебя ножки мягкие, словно из ваты, и трясутся, как студень, попробуй-ка сладь с ними! Да ещё животик у нас так набит, а голова такая большая, — мука, да и только!

Измученная Дашенька усаживается посередине конуры и начинает хныкать.

Но мама Ирис тут как тут: она утешает свою дочурку, кормит её, и обе засыпают.

Вскоре, однако, Дашенька просыпается, вспоминает, что не выполнила домашнее задание, и лезет прямо по маминой спине в противоположный угол конуры.

«Молодчина, Дашенька! — хвалит её голос природы. — Если будешь так прилежно учиться, станешь бегать быстрее ветра».

Вы не поверите, сколько у щенка дел: когда он не учится ходить — спит; когда не спит — учится сидеть (а это, друзья, тоже не пустяк). А голос природы только прикрикивает:

«Сиди прямо, Дашенька, голову выше и не гни так спину. Эй, берегись: сидишь на спине! А теперь сидишь на ножках. А где у тебя хвостик? На хвостике сидеть тоже не полагается — ведь ты им тогда не сумеешь вилять».

И так далее. Поучениям нет конца!

Даже когда щенок спит или сосёт, он тоже выполняет задание — расти. Изю дня в день ножки должны становиться немного больше и крепче, шейка — длиннее, мордочка — любопытнее. Представляете, сколько у щенка хлопот, когда растут сразу четыре ноги? Нельзя забывать и о хвостике — он тоже должен подрастать. Нельзя же, чтобы у фокса был крысиный хвостик! У фокстерьера хвостик должен быть крепким, как палка, и так вилять, чтобы свист стоял. И надо уметь настораживать ушки, вертеть хвостом, громко скулить и мало ли что ещё... И всему этому Дашенька должна учиться.

Вот она уже умеет как следует ходить. Правда, иногда какая-нибудь ножка теряется. Тогда приходится сесть, чтобы поскорее разыскать беглянку, и собрать все четыре ноги вместе. Иногда Даша просто катится, словно маленький чурбачок.

Но щенячья жизнь страшно сложна: тут начинают расти зубы.

Сначала это были просто крохотки, но как-то незаметно они начинают заостряться, и чем острее они стано-

вятся, тем сильнее пробуждается у Дашеньки желание кусать.

К счастью, на свете есть масса вещей, необыкновенно подходящих для этого занятия. Например, мамины уши или человеческие пальцы. Реже попадается Дашеньке кончик человеческого носа или ушная мочка, зато если она до неё доберётся, то грызёт их с особенным наслаждением.

Больше всего достаётся маме Ирис. Живот у неё до крови искусан Дашенькиными зубами и изодран её коготками; она, правда, терпеливо кормит эту маленькую кус... (Кусыню, кусицу?.. Да как же будет существительное женского рода от «кусаться»? Ах да, кусаку!), но при этом жмурится от боли. Ничего не попишешь, Дашенька, с кормлением у мамы придётся кончать, надо тебе учиться ещё одному искусству — лакать из миски.

Пойди сюда, маленькая, вот тебе миска с молоком. Что ж ты, не знаешь, что с ней делать? Ну, сунь туда мордочку, высунь язык, обмакни его в это белое и живо втяни обратно, только чтобы на язычке осталась капелька этого белого; и так поступай снова, пока миска не опустеет... Да не сиди ты с таким глупым видом, Дашенька, ничего страшного тут нет. Ну, давай, принимайся, начинай!

Дашенька ни с места, только хлопает глазами и трясёт хвостиком.

Эх, ты, дурашка! Что ж, раз иначе не выходит, придётся сунуть в молочко твой бестолковый нос, хочешь не хочешь. Вот так!

Дашенька возмущена совершённым над ней насилием: нос и усы у неё смочены молоком. Надо их облизнуть язычком... ах ты батюшки, до чего же это вкусно!

И теперь она уже не боится — сама лезет в это вкусное белое прямо с ножками, разливает его по полу; все четыре ноги, и уши, и хвостик в молоке. Мама приходит на выручку и облизывает её.

Но начало положено: через день-другой будет Дашенька вылизывать миску в два счёта и расти как на дрожжах... что я говорю? — как на молоке!

Вот и вы, ребята, берите с неё пример и ешьте как следует, чтобы расти и становиться большими, как этот славный щенок, который с честью носит имя Дашенька.

3

Много воды утекло, и, в частности, много натекло лужиц.

Дашенька — уже не беспомощный комочек с трясущимся хвостиком, а совершенно самостоятельное, лохматое и озорное, зубастое и непоседливое, прожорливое и всё уничтожающее существо.

Выражаясь по-научному, выросло из неё позвоночное (потому что у неё голос, как звоночек) из отряда плутуватых собакообразных, подотряд непосед, род озорников, вид безобразников, порода «сорванец черноухий».

Носится она где пожелает: весь дом, весь сад, вся вселенная до самого забора — всё это её владения.

В этой вселенной полным-полно вещей, которые необходимо раскусить, то есть исследовать по части их кусабельности, а также, возможно, сожрабельности; полным-полно таинственных мест, где можно производить занимательные опыты для выяснения вопроса о том, где лучше всего делать лужицы. (В основном Дашенька избрала для этих целей мой кабинет с его окрестностями, но по временам предпочитает столовую.)

Далее, необходимо уточнить, где лучше спится (в частности, на половых тряпках, на руках у людей, посреди клумбы с цветами, на венике, на свежесглаженном белье, в корзинке, в сумке для покупок, на козьей шкуре, в ботинке, на парниковой раме, на совке для мусора, на дорожке у двери или даже на голой земле).

Есть вещи, которые служат для развлечения, например, лестница, с которой так хорошо скатываться кувырком. («Вот весело-то!» — думает Дашенька, летя через голову по ступенькам.) Есть вещи опасные и коварные — скажем, двери, которые стучат по головке или прищемляют лапку или хвост, как раз когда этого меньше всего ожидаешь. В таких случаях Дашенька визжит, как будто её режут, и хозяйева берут её на руки. Там она ещё минутку поскулит, получит в утешение что-нибудь вкусное и снова бежит скатываться с лестницы.

Несмотря на некоторый горький опыт, Дашенька твёрдо убеждена, что с ней ничего худого не может случиться и над её собачьей головкой не собирается никаких туч.

Она не убегает от половой щётки, а доверчиво ожидает, что щётка обойдёт её; обычно щётка так и поступает. Вообще у Дашеньки родственная склонность ко всему волосатому, будь то щётка, или конский волос (который она таскает из дивана), или человеческие причёски; ко всему этому она питает слабость.

Не уступает она дороги и человеку. В конце концов, пусть человек сам заботится, как бы не наступить на щенка! Это его дело, верно?

Все, кто живёт в доме, вынуждены или парить в воздухе, или ступать осторожно, словно на тонком льду. Ведь никогда не знаешь, когда у тебя под ногой раздастся отчаянный визг.

Вы, друзья, не поверите, как такой маленький щенок может заполнить собой весь дом!

Дашенька не желает принимать в расчёт козни и злобу мира сего; три раза она вбегала прямёхонько в садовый прудик, твёрдо уверенная, что и по воде можно чудесно побегать.

После этого её тепло укутывали и в утешение ей доставался кончик хозяйского носа, чтобы она скорее забыла пережитый ужас, кусая самую соблазнительную вещь на свете.

4

Но будем рассказывать по порядку.

1. Бег и прыжки — первое и главное дело для Дашеньки.

Теперь уж это, милые, не шаткие, мучительно трудные шаги — нет! Это уже настоящий спорт, как то: рысь, галоп, спринт, бег на длинные дистанции; прыжки в длину, прыжки в высоту, полёт, ползание по-пластунски; различные броски, как, например, бросок на нос, бросок на голову, падение на спину, сальто-мортале на бегу с одним или несколькими переворотами; бег по сильно пересечённой местности, бег с препятствиями (например, с половой тряпкой во рту); разные виды валянья и катанья — через голову, на боку и т. д.; гонка, преследование, повороты и перевороты, — словом, все виды собачьей лёгкой атлетики.

Уроки в этой области даёт самоотверженная мама. Она мчится по саду — конечно, прямо через клумбы и другие препятствия, — она летит, как лохматая стрела, и Дашенька мчится следом. Порой мама отскакивает в сторону, а так как маленькая этого ещё не умеет, то она

делает двойное сальто — иначе остановиться она не может.

Или мама носится по кругу, а Дашенька за ней. Но так как она ещё не знает, что такое центробежная сила (физику у собак проходят несколько позже), то центробежная сила подбрасывает её, и Дашенька описывает в воздухе красивую дугу. После такого физического опыта Дашенька очень удивляется и садится отдохнуть.

Сказать вам по правде, координация движений у этого щенка ещё далека от совершенства. Дашенька не знает меры. Она хочет сделать шаг и вместо этого летит, как камень из пращи; хочет прыгнуть — и рассекает воздух, как пушечный снаряд. Сами знаете, молодость любит немного преувеличивать. Дашенька, собственно говоря, не бежит — её просто несёт куда-то; она не прыгает — её швыряет!

Она побивает все рекорды скорости: в три секунды ухитряется перебить гору цветочных горшков, ввалиться кувыркком в парник на саженцы кактусов и при этом ещё шестьдесят три раза вильнуть хвостом.

Попробуйте-ка вы так!

2. Кусание — это тоже любимый спорт Дашеньки. Она кусает и грызёт просто-напросто всё, что встречает на своём пути, а именно: плетёную мебель, метёлки, ковры, антенну, домашние туфли, кисточку для бритья, фотопринадлежности, спичечные коробки, верёвки, цветы, мыло, одежду и в особенности пуговицы. Если же у неё ничего такого поблизости нет, то она вгрызается в свою собственную ногу и хвост столь основательно, что вскоре начинает скулить.

В этом деле она проявляет необыкновенную выдержку и упорство: она изгрызла целый угол ковра и кайму у

дорожки. Нельзя не признать, что для такой малышки это серьёзное достижение. За время своей недолгой деятельности она с успехом изгрызла:

1 гарнитур плетёной мебели 360 чешских крон

1 диванную обивку 536 «—»

1 ковёр (не новый) 700 «—»

1 дорожку (почти новую) 940 «—»

1 садовый шланг 136 «—»

1 щётку 16 «—»

1 пару сандалий 19 «—»

1 пару домашних туфель 29 «—»

Разное 263 «—»

Итого — 2 999 чешских крон.

(Прошу проверить!)

Отсюда вытекает, что такой чистокровный жёсткошёрстный фокстерьер обходится в 2999 крон штука. Хотел бы я знать, во сколько тогда обойдётся чистокровный щенок, скажем, берберийского льва?

Иногда в доме наступает странная тишина. Дашенька сидит тихо, как мышка, где-то в углу. «Слава тебе господи, — вздыхает хозяин, — наконец-то проклятая псина уснула, хоть минутку можно спокойно посидеть!» Вскоре эта тишина, однако, начинает казаться подозрительной; хозяин встаёт и идёт взглянуть, почему это Дашенька так долго сидит смиренно.

Дашенька с победоносным видом поднимается и вертит хвостом: под ней лежат какие-то клочки и лохмотья; что это было, распознать уже нельзя.

По-моему, когда-то это было щёткой.

3. Перетягивание на канате — не менее важный вид спорта.

Тут, как правило, должна помогать мама Ирис. А так как у собак специального каната нет, за него сходит всё, что попадётся: шляпа, чулок, шнурки для ботинок и другие предметы обихода.

Мама, само собой разумеется, перетягивает Дашеньку и тащит её за собой по всему саду, но Дашенька не уступает: она стискивает зубы, выкатывает глаза и позволяет таскать себя до тех пор, пока импровизированный канат не разорвётся. Если мама далеко, Дашенька обходится и без неё — можно ведь играть в перетягивание и с развешанным для сушки бельём, с фотоаппаратом, с цветами, с телефонной трубкой, с занавесками или с антенной. В человеческой конуре всегда найдётся что-нибудь, на чём можно испробовать свои зубки и мускулы, упорство и спортивный дух.

4. Классическая борьба — ещё один и, что касается Дашеньки, особенно любимый ею вид тяжёлой атлетики.

Обычно Дашенька, проявляя беспримерный боевой дух, кидается на маму и впивается ей в нос, в ухо или в хвост. Мама стряхивает с себя противника и хватает его за шиворот. Начинается так называемый инфайтинг, или ближний бой, то есть оба борца катаются по рингу (обычно по газону), и зритель не видит ничего, кроме великого множества передних и задних ног, высовывающихся из какого-то лохматого клубка. В клубке этом что-то порой взвизгнет, порой из него высунется победоносно виляющий хвост; оба противника яростно рычат и наскакивают друг на друга всеми четырьмя лапами. Потом Ирис вырывается и трижды обегает вокруг сада, преследуемая по пятам воинственной Дашенькой. А потом всё начинается сначала.

Понятно, мама проводит только показательный бой, она не кусается по-настоящему, зато Дашенька в пылу сражения рвёт, терзает и кусает маму изо всех сил. В каждом таком матче бедная Ирис теряет немалую толику шерсти. Чем больше растёт Дашенька, чем она становится сильнее и мохнатее, тем более растерзанной и ободранной выглядит мама.

Да, дети — сущее наказание, вам это и ваши мамы подтвердят.

Зачастую мама хочет отдохнуть и где-нибудь спрячется от своей подающей надежды дочурки; тогда Дашенька сражается с метёлкой, ведёт ожесточённый бой с какой-нибудь тряпкой или предпринимает отважные атаки на человеческие ноги.

Вошёл гость, и вот Дашенька молниеносно атакует его брюки и рвёт их.

Гость через силу улыбается, думая про себя: «Чтоб ты сдохла!» — и уверяет, что он «обожает собак», особенно когда они вцепляются ему в брюки.

Или же Дашенька нападает на ботинки гостя и тащит его за шнурки. Она успевает порвать или развязать их прежде, чем тот сосчитает до трёх (например, «будь ты трижды неладна!»), и получает при этом огромное удовольствие (не гость, а Дашенька).

5. Кроме того, Дашенька с большой охотой занимается художественной и спортивной гимнастикой, например почёсыванием задней ногой за ухом или под подбородком, а также ловлей мнимых блох в собственной шубе. Последнее упражнение особенно развивает грацию, гибкость, а также способствует изучению партерной акробатики.

Или — обычно где-нибудь на цветочной клумбе — она тренируется в сапёрном деле. Так как Даша принадле-

жит к породе терьеров, или мышеловов, она учится выкапывать мышей из земли. Мне приходилось не раз вытягивать её из ямы за хвост. Ей это явно доставляло большое удовольствие, мне — несколько меньшее; когда вам с клумбы кивает вместо цветущих лилий собачий хвост, это, с вашего разрешения, немного нервирует.

Дашенька, Дашенька, кажется мне, что так дальше у нас с тобой дело не пойдёт. Ничего не попишешь, пора нам расставаться!

«Да, да, — говорят умные глаза Ирис, мамы, — так дальше продолжаться не может, девчонка портится! Посмотри, хозяин, как я выгляжу: вся ободранная и истерзанная; пора уже мне отрастить себе новый наряд. И потом, подумай, я служу тут уже пять лет — каково же терпеть, что все носятся с этой безобразницей, а на меня ноль внимания! И, к твоему сведению, я даже не ем досыта — она мигом съедает свою порцию, а потом лезет в мою миску. Вот и вся благодарность, хозяин... Нет, нет, самое время отдать девчонку в люди!»

И вот наступил день, когда чужие люди забрали Дашеньку и унесли её в портфеле, сопровождаемые нашими горячими и благожелательными уверениями в том, что Дашенька чудесная, славная собачка (в этот день она успела разбить стёкла в парниковой раме и выкопать целый куст тигровых лилий) и вообще она необыкновенно мила, послушна и т. д.

Второго такого щенка не найдёшь!

— Ну, отправляйся, Дашенька, и будь молодцом!

В доме — благодатная тишина. Слава богу, уже не нужно всё время бояться, как бы эта проклятая псина не натворила новой пакости. Наконец-то мы от неё избавились!

Но почему же в доме так тихо, как на кладбище? В чём дело? Все стараются не смотреть друг другу в глаза. Заглядываешь во все углы — и нигде ничего нет, даже лужицы...

А в конуре молча, одними глазами, плачет ободранная и истерзанная мама Ирис.

БЕЛЯЕВСКАЯ ЗАИМКА

Маленькие рассказы о жизни двух хороших людей

ДЕД ДАНИЛА

Десять лет не видел Лёха деда Данилу. И до этого тоже не видел, потому что тогда Лёхи ещё на свете не было.

Дед Данила — младший брат Лёхиной бабушки, он живёт в деревне Архиповке, и бабушка частенько повторяла Лёхе:

— Ну, что ты опять натворил, а?! Потерпи немного, отправлю тебя к деду Даниле — вот с ним и вытворяйте, что хотите! Он такой же, как ты, ничуть не лучше! Там вы хоть всю деревню спалите или динамитом взорвите, мне-то что!

И вот так десять лет. В конце концов Лёха поверил, что интереснее места, чем Архиповка, нет на всём белом свете и лучше человека, чем дед Данила, — тоже.

И когда Лёху наконец на всё лето решили отправить к деду Даниле, он сначала и не поверил своему счастью. Ехал в поезде один и сомневался.

И только разглядев на пустом дощатом перроне лошадку с телегой, а на телеге — маленького бодрого старичка в кепке, очень похожего на Лёхину бабушку, поверил наконец!

— Дед Данила! — первое, что спросил Лёха. — А правда, у вас тут можно, если мы захотим, всю деревню спалить или динамитом взорвать?

— Конечно, — ласково улыбаясь, подтвердил старичок.

Дед Данила бережно погладил огромный и по виду очень тяжёлый дерюжный мешок за своей спиной. Таких мешков на телеге было уложено пять или шесть.

— Я вот и порох уже прикупил. Мне твоя бабушка письмо написала...

— Вот это да! — восхитился Лёха.

И задумался:

— А где же потом все люди жить будут... ну, деревенские?

— Странно, что ты об этом подумал... — Дед Данила кнутовищем сдвинул себе кепку на затылок.

— Зачем же вы столько пороху закупили? — насупился Лёха. — Если сами понимаете, что взрывать деревни нельзя?

— Видишь ли, — старик тронул поводья, и лошадка неторопливо зацокала по толстым, чуть прогибающимся доскам перрона, — если бы ты оказался очень глупым, тебя ведь таким пустяком не остановить, верно? Подумаешь, нет пороха! Всё равно бы достал где-нибудь! Ну в крайнем случае, изобрёл... А если ты человек умный, то порох нам для какого-нибудь хорошего дела сгодится, так?

— Так, — согласился Лёха. — И вообще, чем больше пороха, тем больше хороших дел сделать можно!

Колеса телеги соскочили с перрона и сразу глубоко провалились в пыль просёлочной дороги.

— Я всё лето живу на Беляевской заимке, в Архиповке бываю редко. — Дед отпустил поводья, и лошадка, чуть прибавив ходу, побежала сама, видимо, дорога эта была ей хорошо знакома. — Пчёлки у меня там, ручеёк журчит...

— Здорово! И я с вами! — подпрыгнул на телеге Лёха.

— А чего это мы с вами на «ты»? — изумился вдруг дед Данила. — То есть почему это мы с тобой на «вы»?! Мы же родственники! Самые близкие!

БЕЛЯЕВСКАЯ ЗАИМКА

Пахло свежей малиной, ландышами и сосновыми шишками. Пёстрая бабочка с яркими оранжевыми крыльями ещё возле станции села деду Даниле на рукав и так пропутешествовала вместе с телегой всю дорогу.

— Кр-расотища-то! — ахнул Лёха, когда они наконец въехали на Беляевскую заимку. — Одинокая избушка посреди дремучего леса! Гениально! Будем жить здесь, как древние люди!

— Ну, положим, я-то и есть древний человек, — соскочив с телеги, хмыкнул дед Данила. — А тебе куда торопиться? Успеешь ещё, состаришься!

— А волки здесь водятся? — всё больше распалялся Лёха. — Крупнокалиберное оружие в доме есть?

— Чемоданчик свой в избу занесёшь — за порохом возвращайся, — дружелюбно скомандовал дед. И продолжил мысль: — А древним людям удобнее в городе жить! Ясное дело! Тут тебе и лифт, и горячая вода, магазины все под боком... Вкусненького чего захотел — не надо за ружьё хвататься.

— Да, в магазин с ружьём не сунешься — отобрать могут, — попробовал съехидничать Лёха.

— Так что древним в городе лучше, — убеждённо закончил дед Данила. — Или в Архиповке...

— Давно хотел вас спросить... — начал Лёха, но тут же поправился: — Давно тебя хотел, дед Данила, спросить: а почему это мне бабушка никогда ни про какую Беляевскую заимку не рассказывала?

— Откуда же могла она знать про Беляевскую заимку, если никакой Беляевской заимки до сегодняшнего утра в природе не существовало? — вопросом на вопрос ответил дед Данила.

— Как то есть — не существовало? — разинул рот Лёха. — Что, избушки этой не было, да? И огородика? Когда же ты всё успел?!

— Избушка стояла, ей уже лет сто, наверное, — терпеливо объяснил дед Данила. — И огородик я с самой весны засадил. Только раньше вся эта красота называлась хутором Угрюм-Безымянным близ деревни Архиповки!

Старик, крикнув, взвалил себе на спину самый большой пороховой мешок, уже согнувшись под тяжестью, закончил:

— А сегодня на зорьке я переименовал хутор в Беляевскую заимку. Вот в сельсовет только о своем решении сообщить не успел, виноват! Ну да ничего: повезу тебя осенью к поезду, забегу к властям...

— Классно! — восхитился Лёха. — Дед, так это ты в честь себя самого населённый пункт переименовал, да?! Ты ж у нас дед Данила Беляев!

— Родной мой! — пробухтел дед, поднимаясь по ступеням крыльца с ношей на спине. — Ну, кто ж в честь самого себя хутора переименовывает?! А твоя-то фамилия как?

— Беляев тоже! — гордо ответил Лёха.

— У нас же вся семья — Беляевы! — подтвердил дед. — Вот в честь приезда внука и совершил переименование! Так что ты уж не подведи предка, внучок!

МЕРИДИАН

Меридиан проходил всего в нескольких шагах за избой, через огород и лужок; это было очень удобно.

Нужно, например, принести грабли, дед Данила и объясняет:

— Выйдешь за ворота, перепрыгивай через меридиан — сразу увидишь сараюшку! Вот там у меня грабли и стоят.

Лёха деду поддакивал, мол, да, нужная вещь в хозяйстве — меридиан, пока однажды об этот самый меридиан не споткнулся да чуть нос себе не расквасил.

Вот тут уж он закричал по-другому:

— Да кто это тут посреди дороги меридианов разных дурацких наустраивал, спрашивается, а?! Ну, какому тут балбесу ещё и меридиан понадобился?!

— Мне, — огорчённо сознался дед Данила. — Знаешь, тяжело одному в лесу жить, да без правильных географических координат... Больно ушибся, да?

— Да нет, ничего... — продолжал брюзжать Лёха. — Даже почти приятно! Ходи тут да за всякие меридианы запинайся! Надо меридиан — так нарисуй его белой краской или синей, если нравится, а зачем кирпичи-то в землю втыкать?!

Дед Данила тяжело опустился прямо на меридиан рядом с Лёхой, устроился поудобнее, достал папироску, но закуривать не стал.

— Видишь ли, внучок... Краской — оно дело, конечно, хорошее... Да уж нестойкое больно... Ну, лет сто, пожалуй, продержится — а дальше что? Подновляй снова наш меридиан! И кто заниматься этим будет? Ладно, я доживу, подправлю... А коли не доживу?..

— Ну, ты даёшь! — задумался Лёха.

— Вот я и говорю. — Дед Данила затолкал папироску обратно в пачку. — Кирпич же — дело надёжное! Я сначала печку хотел в хлевушке сложить, да потом решил: меридиан поважнее будет...

— Дед! — Лёха неожиданно сильно хлопнул себя по лбу. Человек он был все-таки городской, учёный и образованный. — Дед! Да ведь меридиан-то — это воображаемая линия, ты понял?! Это как горизонт! Ты бы ещё горизонт красными кирпичами выложил!

— Зачем — горизонт? — скромно пожал плечами дед Данила. — Бесполезная вещь — горизонт! Сколько идёшь — никогда не дойти! Другое дело — меридиан: сразу ясно, где север, где юг! Видишь, стрелочка? Там, по-моему, как раз север...

— Что значит — по-твоему? — насторожился Лёха. — Север — он по-любому север! Север — это направление к полюсу!

— Я ведь как понимаю, — не обратил внимания на Лёхино замечание дед Данила. — Тутошним жителям и знать незачем, где, положим, восток, а где запад. Заблудиться здесь негде. Да и заблудится ежели кто — так мы с тобой здесь, у нас и спросят! Я не только где север, даже как до Архиповки добраться покажу! А вот, к примеру, неземные какие люди прилетят, межпланетные... И что тогда?

— И что тогда? — заинтересовался Лёха.

— А ничего, — пояснил дед Данила. — Летят они себе и видят сверху меридиан! А стрелочка аккуратно на север показывает. Незнакомая планета, но всё честь по чести...

— Дед, что значит — север там «по-твоему»? — напрямик и очень серьёзно спросил Лёха.

— Да шут его знает, где он на самом деле, Северный полюс этот, — тоже серьёзно ответил дед Данила. — Я ж там никогда не был...

— Постой! — Лёха вскочил на ноги. — Подожди немного, я сейчас!

Очень скоро Лёха вернулся с маленьким компасом, какой непременно должен быть в вещах любого настоящего путешественника.

— Я так и знал! — безнадежно махнул рукой Лёха. — Не совпадают! Не совпадает твой меридиан с направлением стрелки!

Дед Данила был совершенно удручен и раздавлен. С несчастным видом он уселся на крыльцо и, шмыгнув носом, развёл руками — мол, надо же было так опростоволоситься!

— В самом деле — не совпадает! — вдруг очень обрадовался Лёха. — Ну и славненько, ну и замечательно! А то я уж опасаться начал: а как вдруг возьмёт да совпадёт!

— Чему ты радуешься-то? — хмуро осведомился дед Данила.

— Темнота! Тундра ты у нас! — объяснил счастливый Лёха. — Ты, дед, не знаешь разве, что магнитный полюс Земли и настоящий, географический то есть, не одно и то же? Нет? Я в школе проходил — совсем две разные вещи, полюса эти твои! Магнитный — он так, сбоку припёка! Хорошо — не совпало, а то бы весь твой кирпичный меридиан заново перекладывать пришлось!..

ЧАЙ С МЁДОМ

Припозднился Лёха в лесу — ходил смотреть, как там шишки на кедрах поспевают, да и чуть заплутал. Вернулся на заимку — на дворе темно, в избе керосиновая лампа горит.

Вошёл Лёха в светёлку — на столе самовар, а за самоваром — дед Данила и... и медведь какой-то сидит!

Оба разомлевшие, дед Данила красный весь, по лицу пот ручьём течёт. Медведь, может, тоже красный или даже вовсе бордовый, да под шерстью не видно. Каждый, наверное, уже не меньше десяти стаканов чаю выпил. А медведь ещё лапой в глубокой чашке мёд цепляет.

— Эге, — сказал Лёха с порога. — Ну и дела!

— А здороваться кто будет? — возмутился дед Данила.

— Мы ж с тобой, дедуля, утром виделись! — отмахнулся Лёха. — Может, мне ещё этому бурому мишке лапу пожать?

Медведь чашку с мёдом отодвинул, на Лёху уставился.

— Ах, здрасьте-пожалуйста! — усмехнулся Лёха.

— Вот теперь садись с нами, внук, почаёвничаем, — миролюбиво предложил дед.

— А чего, и сяду! — сразу же согласился Лёха. — Я ещё с медведями чай никогда не пил. Дрессированный, что ли?

Тут медведь громко хрюкнул совсем не по-медвежьи, вскочил из-за стола, опрокинув скамейку, на которой сидел, и стремглав выскочил из избы.

— Сосед! Соседушка, ты куда? — закричал вслед медведю дед Данила, да поздно.

Только слышен был в ответ треск бурелома, через который проламывался медведь.

— Ну и чего ты добился? — без укора спросил дед Данила.

— А что я такого сказал?! Спросить ничего нельзя, да?!

— Спросить, спросить! — передразнил Лёху дед. — Он к нам по-соседски пришёл! Чайку попить! Мёду с собой принёс, гостинец!

— А то у нас мёда с тобой нет, — разозлился Лёха, потому что был не прав. — Сколько хочешь мёду на пасеке! А он-то где взял?

— Да у нас с тобой один улей, поди, и разворотил...

— Ну?!

Лёхе вдруг стало жалко убежавшего медведя. Он представил злобных дедовых пчёл, которым ничего не стоило и мамонту шкуру прокусить, представил тёмный лес, где бродит сейчас недопивший горячего чаю обиженный гость.

— То-то что и ну! — вздохнул дед. — Душа у зверя есть: вот и о подарочке позаботился...

— Да не хотел же я, дед! — жалобно взмолился Лёха. — Честное слово!

— Не о тебе речь... — Дед Данила пожевал губами. — Городские, что с вас взять-то?! А он, соседушка, характером крутой! Ой, крутой!.. Да отходчивый...

ПЕСНЯ

Косили дед Данила с Лёхой на лугу траву, и так здорово это было: солнце печёт, шмели гудят, коса звенит, зелёная трава ровными рядками ложится — ш-ших, ших, ш-ших, ших, а воздух такой горячий и упругий, да от земли вверх струится — должно быть, отпусти косу — немедленно подхватит её воздушным потоком, и плавно всплывёт коса к верхушкам сосен.

Неожиданно для себя Лёха вдруг запел. Как в мультике про бременских музыкантов:

— Го-во-рят, мы бяки-буки, ка-ак вы-носит нас земля!

Дед Данила послушал, послушал да и говорит, не прекращая работы:

— Разве так поют?! Ты ж орёшь, а не поёшь!

— Это песня такая! — обиделся Лёха.

— Не в песне дело, ты петь не умеешь, — продолжал рассуждать дед. — Вот странная вещь, косить ты только сегодня научился и хорошо ведь косишь! А поёшь, поди, всю жизнь — и не умеешь! Просто издаёшь звуки!

— Ха! — Лёха поднажал и догнал деда, ушедшего немного вперёд за время разговора. — Сравнил тоже! Чтобы петь, талант нужен, понял?! У одних талант есть, у других — нету, вот!

Старик остановился и, опершись на косу, повернулся к Лёхе.

— Талант, говоришь?! — Дед зачем-то сморщил нос, и тот стал у него походить на сапожок. — А ты соловья слышал когда-нибудь?

— Я ворону слышал! Два раза! — Лёха почувствовал подвох и на всякий случай съехидничал.

— Чего ж тогда соловьи-то — все до одного талантливые, а? Не бывает неталантливых соловьёв! Почему, я тебя спрашиваю?

Лёха задумался.

— Ты бы, дед, у соловьёв и спросил, ты ж местный, постоянно здесь живёшь!

— А-а-а! — Дед Данила вдруг ткнул скрюченным пальцем в Лёхину грудь. — Сейчас и ты у меня запоёшь!

— Чего это? — насторожился Лёха.

— А ну, полезай на сосну! — сурово скомандовал старик. — Вот на эту, на самую высоченную!

— Зачем? — ещё раз на всякий случай поинтересовался Лёха, но на сосну безропотно полез.

Дед Данила, кряхтя, начал карабкаться следом.

— Талант, талант! — бурчал он. — Тут в другом дело! Ты ведь, Лёха, по земле топаешь, ползаешь почти! А он-то, соловей, наверху сидит! Тут во взгляде дело!

Лёха добрался почти до верхушки сосны, которая от его веса легонько, но страшно вато раскачивалась из стороны в сторону.

Дед Данила затих чуть ниже, огляделся.

— Ёлки-моталки! — наконец выдохнул он. — Красотища-то, а! Вот всю жизнь тут прожил, а хоть бы раз догадаться на сосну взгромоздиться! Ого-го!

— Ну, петь уже, что ли? — робко спросил с ветки присмиривший Лёха. И не дожидаясь ответа, тихонечко затянул:

— «От улыбки солнечной одной перестанет плакать самый грустный дождик...»

Дед Данила слушал, закрыв глаза.

— Ну что, лучше? Получается? — спросил Лёха, закончив песню.

— Лучше... немного... — помолчав, сконфуженно отозвался дед Данила. — Лёха, внучок! Я ведь, кажись, про пение всё теперь понял... То есть самое главное... Высота высотой, только соловей... Соловей... он ведь ещё и летает...

ВОДОПАД

Дед разбудил Лёху чуть свет.

— Пошевеливайся давай! — тормошил он внука. — Одевайся побыстрее да бери лопату!

— Какую ещё лопату? — сладко зевал спросонья Лёха. — Зачем мне лопата?

— Ну, пошли, пошли! — торопил мальчишку дед Данила.

— Да куда хоть? — Лёха, поёживаясь от утреннего холода, вышел за дедом на крыльцо.

— Я проснулся и неожиданно понял, как можно этот наш мир сделать лучше! — гордо сообщил дед.

— А что, после завтрака этого уже не получится? — недовольно буркнул Лёха.

— Зачем откладывать?! — стрекотал дед Данила, пока они шли по тропинке в сторону ручья. — Я всё размышлял, чего нам с тобой здесь не хватает!

— Телевизора, — предположил Лёха.

— Водопада! — сделав паузу, торжественно провозгласил дед Данила.

Сонливость разом слетела с Лёхи. Он остановился и воткнул дурацкую лопату в землю.

— Всё! Я иду досматривать сны! Нам, дед, ещё с тобой косить сегодня!

— Не руби сплеча! — мудро посоветовал старик. — А вот своей головой хоть маленько подумай! Ну, подумай, подумай!

— Ещё нам с тобой не хватает пустыни Сахары и Чёрного моря! — подумав, ехидно подсказал Лёха.

— Чудак, — прищурился дед Данила. — Ну, зачем нам здесь какое-то Чёрное море? У нас ручей есть под названием Безымянный! Хочешь, переименуем его в твою честь? Будет Лёхин ручей... А вот водопада у нас действительно нет! В мире вообще заметно ощущается нехватка водопадов!

— Ладно, пошли... — Лёха выдернул из земли лопату, забросил её на плечо и покорно поплёлся за дедом. — А вот я бы всё-таки сначала выкопал яму под Чёрное море...

Строительство водопада оказалось делом несложным. Часа за два дед с внуком управились. Они чуть углубили русло ручья в подходящем месте, а потом перекатали в углубление здоровенный камень, который без дела лежал на берегу.

Образовалась небольшая запрудка, в которой быстро накопилось достаточное количество воды. Волны с шумом весело начали перепрыгивать через камень, внизу вода сплющивалась — и сразу же снова превращалась в ручей.

— Ну, вот, — сказал довольный дед Данила. — А ты говорил!..

— Что я! — любуясь водопадом, отозвался Лёха. — Здорово получилось! Дед, а ты думаешь, вот от этого мир лучше сделался? Весь мир, да?

— Конечно, — серьёзно ответил дед Данила. — Ты же сам видишь, в этом самом месте, недалеко от Беляевской заимки, — лучше!

— А вон оттуда мы камень утянули, — возразил Лёха. — Может, там без камня — хуже?

— Камень там без толку валялся, вид только портил. Значит, и в другом месте мир чуть лучше стал, как раз без камня... Ну, не хуже по крайней мере!

— Вроде бы... — вынужден был согласиться Лёха.

— Наш мир — он что, он большой, но весь из множества таких вот крошечных местечек и состоит. — Дед Данила зачерпнул в ладошку прозрачной воды из ручья, глотнул, крякнул от удовольствия. — Ну что, пошли завтракать да на покос?

*Продолжение читайте в следующем номере
журнала.*

УРОКИ БИСЕРОПЛЕТЕНИЯ

Лариса Шевцова

УРОК 27

ЛАВАНДА

Дорогие друзья!

Сегодня мы научимся плести лаванду. Соцветия лаванды состоят из множества мелких цветочков, которые расположены вокруг одного стебелька, а под соцветием есть несколько зелёных длинных узких листьев. Соцветие чем-то немного похоже на пушистый колосок. Лаванда может быть голубого, сиреневого или фиолетового цвета.

Для работы нам понадобится бисер того цвета, каким будет именно ваша лаванда, можно и смешивать цвета, чтобы получить желаемый оттенок. Также нам понадобятся: бисер зелёного цвета; проволока под цвет бисера или просто медная; полужёсткие стержни или толстая проволока для формирования соцветия; флористическая лента зелёного цвета или нитки мулине.

Соцветие

Бисер голубого, сиреневого или фиолетового цвета (цвет бисера должен быть не очень ярким), длина проволоки 60 — 80 сантиметров.

Соцветие будем плести в технике петельного плетения.

Нанизываем на любой из концов проволоки девять бисерин и ещё одну бисерину сразу на оба конца — у

нас получилась одна плоская петля. Выравниваем концы проволоки так, чтобы с одной стороны осталось сантиметров 5 — 6, а с другой — всё остальное. Теперь на длинный конец нанизываем десять бисерин и им же проходим через первую бисерину так, чтобы этот конец вошёл между второй и первой бисеринами — у нас рядом получилась вторая плоская петля. Продолжаем выполнять такие же петли до тех пор, пока и с другой стороны не останется сантиметров 5 — 6 свободной проволоки. Первую петлю можно делать и на середине проволоки, а последующие уже плести сначала на одном конце, а потом на другом.

Можно и не продевать проволоку в первую бисерину, а просто подкручивать концы проволоки под каждой петлёй. В этом случае количество бисера в петле должно быть нечётным.

Я уже говорила, что можно смешивать цвета бисера, чтобы получить желаемый оттенок. В одной из своих работ я использовала бисер голубого и розового цвета. Я набирала три голубые бисерины, затем три розовые и снова три голубые. Потом сразу на оба конца нанизывала ещё одну голубую бисерину. Для второй петли нанизывала четыре голубые, три розовые и три голубые бисерины, продевала проволоку в первую голубую бисерину. Иногда в мастер-классах, выставленных в Интернете, предлагают просто смешать несколько оттенков бисера. О вкусах, конечно, не спорят, но мне работы, выполненные такой смесью, кажутся несколько неряшливыми, а иногда складывается такое впечатление, что кто-то просто избавлялся от остатков бисера.

Если мы хотим подкручивать каждую петлю, то нанизывать нужно три голубые, три розовые и снова три

голубые бисерины. У нас получился ряд петель. Если мы оставляли правильное расстояние между петлями, то наше изделие должно быть слегка закрученным в виде спирали. Эта спираль не должна быть тугой, иначе нам будет трудно её обкручивать вокруг стебля при сборке. Если же расстояние между петлями большое, то при сборке может быть видна голая проволока. Чтобы определиться с расстоянием и потренироваться, лучше начать с небольших отрезков проволоки, а уж потом, когда мы набьём руку, можно переходить к более длинным отрезкам проволоки.

Обычно я предпочитаю сначала сплести все элементы цветка, а потом приступать к сборке. Но в данной работе лучше всё делать сразу.

Если в качестве стебля у нас будет полужёсткий стержень, то его нужно обмотать флористической лентой сантиметров на 10 — 12. Затем берём нашу проволоку с рядом петель, любой из её концов заводим между третьей и четвёртой петлёй, формируя таким образом из этих трёх петель верхушку соцветия. Эти три петли закрепляем с помощью конца проволоки на верхней части стебля (той, которую мы уже обмотали флористической лентой).

Затем плотно, виток за витком, обматываем проволокой с остальными петлями стебель сверху вниз, направляя петли вверх. Плотно — это значит, что проволока должна быть плотно прижата к стеблю, но сами витки не должны укладываться очень густо, иначе мы не сможем поднять петли — они будут торчать в стороны.

Высота соцветий может быть разной — от шести до десяти сантиметров, более высокие соцветия будут очень тяжёлыми. Если одной проволоки с петлями нам пока-

жется маловато, то можно добавить второй, так же обмотав его вокруг стебля.

Цветки у лаванды настолько мелкие, что нет необходимости выплестать каждый, мы просто делаем некую имитацию этих цветков.

Листья

У лаванды листья тонкие и длинные. Можно сплести их так, как мы уже плели листики для василька или подснежника. Взять небольшой отрезок проволоки, на его середину нанизать одну зелёную бисерину и ещё одну сразу на оба конца, затем на каждый из концов проволоки нанизать бисера сантиметров по пять-семь, затем на любой из концов проволоки нанизать ещё одну зелёную бисерину и пройти другим концом навстречу, чтобы закрепить наше плетение, подкрутить концы проволоки под готовым листиком.

А можно выполнить эти листочки и в технике параллельного плетения. Для этого отрезок проволоки понадобится раза в два длиннее. Нанизываем на левый конец две зелёные бисерины и проходим правым через вторую бисерину навстречу — у нас получились первые два ряда с одной бисериной в каждом ряду. В остальных рядах будет по две бисерины, но количество рядов лучше определить с помощью линейки. Листочек также должен быть длиной пять-семь сантиметров. Заканчиваем плетение такого листочка одной бисериной.

Для одного соцветия понадобится два-три зелёных листочка.

Сборка

При окончательной сборке веточки лаванды начинаем обматывать наш стебель сразу под соцветием, постепенно подплетая листочки.

Чтобы букет получился красивым и пышным, нужно сплести веточек одиннадцать-пятнадцать, а можно сделать и гораздо больше, тогда их можно установить в какую-нибудь корзинку или вазочку овальной или прямоугольной формы.

Несмотря на кажущуюся простоту, работа эта выглядит очень симпатично. Сложная здесь только сборка, но мы обязательно с этим справимся.

По-прежнему, жду от вас вопросы, предложения и фотографии ваших работ.

Ваша Лариса Андреевна